

Роман Добрый Иван Путилин. Гений русского сыска

«Иван Путилин. Гений русского сыска»: Гелеос; 2006
ISBN 5-8189-0590-X

Аннотация

Остросюжетные истории о знаменитом русском сыщике И.Д. Путилине, написанные Романом Лукичом Антроповым, который был известен читателям в конце XIX – начале XX века под псевдонимом Роман Добрый. Опубликованные в начале прошлого века, они описывают запутанные и таинственные преступления, раскрытые тем, кого современники называли "русским Шерлоком Холмсом"

Роман Добрый Иван Путилин. Гений русского сыска

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

– Милостивые государи! – взволнованно сказал нам старый-престарый доктор. – Ведомо ли вам, что я был в самых дружеских отношениях с покойным Иваном Дмитриевичем Путилиным, этим замечательнейшим русским сыщиком и впоследствии – начальником сыскальной полиции?

– Нет, доктор, мы этого не знали...

– А-а! Должен вам сказать вот что. На мою долю выпала честь принимать личное участие во многих замечательно интересных похождениях-розысках гениального русского сыщика, и я – должен признаться – оказал даже кое-какие услуги русскому судебному ведомству, сопутствуя моему великому другу в его опасных похождениях. Мы, вот, русское общество, набрасываемся с какой-то лихорадочной страстностью на похождения всевозможных иноземных сыщиков, нередко существовавших лишь в фантазии господ романистов. А вот свое, родное, забываем, игнорируем. А между тем это родное будет куда

позанимательнее иностранных чудес.

Мы пристали к доктору с горячей просьбой рассказать нам все, что ему известно о подвигах его друга Путилина. Почтенный доктор любезно согласился.

Ныне мы можем дать нашим читателям продолжительную блестящую серию этих замечательных походов.

КВАЗИМОДО ЦЕРКВИ СПАСА НА СЕННОЙ

Глава I. Труп на паперти

Выло около десяти часов утра. Я, в шлафроке ¹, сидел за кофе, как вдруг раздался звонок, и в переднюю торопливо вошел любимый сторож-курьер Путилина. От Ивана Дмитриевича, спешное письмецо! – подал он мне знакомый синий конвертик.

Я быстро распечатал его и пробежал глазами записку.

В ней стояло: «Дружище, приезжай немедленно, если хочешь присутствовать при самом начале нового, необычайного происшествия. Дело, кажется, не из обычных. Твой Путилин».

Нечего и говорить, что через несколько минут я уже мчался на гнедой лошадке к моему гениальному другу.

– Что такое? – ураганом ворвался я в кабинет Путилина. Он был уже готов к отъезду.

– Едем. Некогда объяснять. Все распоряжения сделаны?

– Все, ваше превосходительство! – ответил дежурный агент.

– На Сенную! – отрывисто бросил Путилин кучеру. Дорогой, правда, мой друг не проронил ни слова. Он о чем-то сосредоточенно думал.

Лишь только мы выехали на Сенную, мне бросилась в глаза огромная черная толпа, запрудившая всю площадь. Особенно она была многочисленна у церкви Спаса.

– К церкви! – отдал отрывистый приказ Путилин.

– Па-а-ди! Па-а-ди! – громко кричал кучер.

Проехать сквозь эту живую стену, однако, было не так-то легко. Того гляди – кого-нибудь задавишь. Но чины полиции, заметив Путилина, принялись энергично расчищать путь нашей коляске.

– Осади! Назад подайся! Что вы, черти, прямо под лошадой прете? Расходитесь!

– Что случилось? – стояла передо мной загадка.

Мы остановились, вылезли из коляски. Толпа расступилась, образуя тесный проход

. Путилин быстро прошел по нему и остановился около темной массы, лежащей почти у самых ступенек паперти.

Тут уже находилось несколько должностных лиц: судебный следователь, прокурор, судебный врач и другие.

– Не задержал? – здороваясь с ними, проговорил Путилин.

– Нисколько. Мы только что сами приехали.

Я подошел поближе, и неприятно жуткий холодок пробежал по моей спине.

На мостовой, лицом кверху, лежал труп красивой молодой девушки, просто одетой, в черной накидке и в черной, смоченной кровью косынке.

Откуда шла кровь – сначала понять было мудрено.

Меня поразили только ее руки и ноги: они были разбросаны в стороны.

– Следственный осмотр трупа уже произведен? – спросил я моего знакомого доктора.

– Конечно, поверхностный, коллега.

– И что вы обнаружили? – полуобернулся Путилин к полицейскому врачу.

¹ [1] Шлафрок – (нем. уст.) домашний халат.

– Девушка, очевидно, разбилась. Перелом спинного хребта, руки и ноги переломлены. Похоже, что она упала на мостовую с большой высоты.

Путилин поднял глаза вверх.

– А разве вы не допускаете, доктор, что тут возможно не падение, а переезд девушки каким-нибудь ломовым, везшим огромную тяжесть? – задал вопрос судебный следователь.

Я вместе с моим приятелем-врачом повторно производили осмотр трупа.

– Нет! – в один голос ответили мы. – Здесь, при этой обстановке, неудобно давать вам, господа, подробный отчет о нашей экспертизе. Отвезите труп, мы еще раз осмотрим его, произведем вскрытие и тогда – все вам будет ясно.

Толпа глухо шумела.

Народ все прибывал и прибывал. Несмотря на увещевания полиции, нас страшно теснили.

В ту минуту, когда труп еще лежал на мостовой, к нему протиснулся горбун. Это был крохотного роста человек-урод.

Огромная голова, чуть не с полтуловища, над которой безобразным шатром вздымалась копна рыже-бурых волос. Небольшое, в кулачок, лицо, один глаз был закрыт совершенно, другой – представлял собою узкую щелку, сверкавшую нестерпимым блеском. Лицо его, точно лицо скопца, было лишено какой бы то ни было растительности. Несуразно длинные цепкие руки; одна нога – волочащаяся, другая – короткая. Огромный горб подымался выше безобразной головы.

Это подобие человека внушало ужас и отвращение.

– Куда лезешь? – одернул его полицейский чин.

– Ваши превосходительства, дозволейте взглянуть на упокойницу! – сильным голосом, столь мало идущим к его уродливо-тщедушной фигурке, взволнованно произнес страшный горбун.

На него никто из властей не обратил внимания. Никто, за исключением Путилина.

Он сделал знак рукой, чтобы полицейские не трогали горбуна, и, впиваясь в его лицо взглядом, мягко спросил:

– Ты не знал ли покойной, почтенный?

– Нет... – быстро ответил урод.

– Так почему же ты интересуешься мертвой?

– Так-с... любопытно... Шутка сказать: перед самой церковью и вдруг эдакое происшествие.

Путилин отдернул покрывало-холст, которым уже накрыли покойницу.

– На, смотри!

– О, Господи!... – каким-то всхлипом вырвалось из груди уродо-горбуна.

Глава II. Темно... Темно...

Мы с коллегой-врачом долго возились с трупом. Когда его раздевали, из-за ворота простенькой ситцевой кофточки выпала огромная пачка кредитных билетов и ценных бумаг.

– Ого! – вырвалось у судебного следователя. – Да у бедняжки – целое состояние... Сколько здесь?

Деньги были сосчитаны. Их оказалось сорок девять тысяч семьсот рублей.

Путилин все время нервно ходил по комнате.

– Ну, господа, что вы можете сказать? Кто она? Что с ней?

– Девушка. Вполне целомудренная девушка. Повреждения, полученные ею, не могли произойти ни от чего иного, как только от падения со страшной высоты.

– Но лицо-то ведь цело?

– Что ж из того? При падении она грохнулась навзничь, на спину.

Путилин ничего не ответил.

Следствие началось.

Было установлено следующее: в семь часов утра, а по другим показаниям – в шесть, прохожие подбежали к стоявшему за углом полицейскому и взволнованно сказали ему:

– Что ж ты, господин хороший, не видишь, что около тебя делается?

– А что? – строго спросил тот.

– Да труп около паперти лежит.

Тот бросился и увидел исковерканную мертвую девушку. Дали знать властям, Путилин – мне, а остальное – вы знаете. Вот и все, что было добыто предварительным следствием. Не правда ли, не много? Те свидетели, которые первыми увидели несчастную девушку, были подробно допрошены, но из их ясных, кратких показаний не пролился ни один луч света на это загадочное, страшное дело.

Правда, один – добровольно и случайно явившийся свидетель – показал, что, проходя после поздней вечеринки по Сенной, он слышал женский крик, в котором звучал ужас. Но, добавил он, мало ли кто жалобно кричит в страшные, темные петербургские ночи?

– Я думал, так, какая-нибудь гуляющая бабенка. Много ведь, их по ночам шляется. Сами знаете: место тут такое... Вяземская лавра... Притоны всякие.

– А в котором часу это было?

– Да так, примерно, в пять утра, а может – позже. Весть о происшествии быстро облетела Петербург.

Целая рать самых опытных, искусных агентов, «замешавшись» в толпе, зорко приглядывалась к людям и внимательно прислушивалась к их речам.

Устали мы за этот день анафемски: с раннего утра и до восьми вечера были на ногах.

В девять часов мы с Путилиным сидели за ужином. Лицо его было угрюмое, сосредоточенное. Он не притронулся к еде.

– Что ты думаешь об этом случае? – вдруг спросил он меня.

– А я, признаюсь, этот вопрос только что хотел задать тебе.

– Скажи, ты очень внимательно осмотрел труп? Неужели нет никаких знаков насилия, борьбы?

– Никаких.

– Нужно тебе сказать, дружище, – задумчиво произнес Путилин, – что этот случай я считаю одним из самых интересных в моей практике. Признаюсь, ни одно предварительное следствие не давало в мои руки так мало данных, как это.

– Э, Иван Дмитриевич, ты всегда начинаешь с «заупокоя», а кончаешь «заздравием»! – улыбнулся я.

– Так ты веришь, что мне удастся раскрыть это темное дело?

– Безусловно!

– Спасибо тебе. Это придает мне силы. И мой друг опять погрузился в раздумья.

– Темно... темно... – тихо бормотал он сам про себя.

Он что-то начал чертить указательным пальцем по столу, а затем его лицо на мгновение вдруг осветилось довольной улыбкой.

– Кто знает, может быть... да, да, да...

Я знал привычку моего талантливого друга обмениваться мыслями с... самим собой и поэтому нарочно не обращал на него ни малейшего внимания.

– Да, может быть... Попытаемся! – громко произнес Путилин.

Он встал и, подойдя ко мне, спросил:

– Ты хочешь следить за всеми перипетиями борьбы?

– Что за вопрос!

– Так вот, сегодня ночью тебе придется довольно рано встать. Ты не посетуешь на меня за это? И потом – ничему не удивляйся... Я, кажется, привезу тебе маленький узелок...

Я заснул как убитый, без всяких сновидений, тем сном, которым спят измученные и утомленные люди. Сколько времени я спал – не знаю. Меня разбудили громкие голоса: лакея и

Путилина.

– Вставай, вот и я!

Я протер глаза и быстро вскочил с постели.

Передо мною стоял оборванный золоторотец. Худые, продранные штаны. Какая-то бабья кацавейка... Круугом шеи обмотан грязный гарусный² шарф. Дико всклокоченные волосы космами спускались на сине-багровое, все в синяках лицо.

Я догадался, что передо мной – мой гениальный друг.

– Ступай! – отдал я приказ лакею, на лице которого застыло выражение сильнейшего недоумения.

– Постой, постой, – улыбаясь начал Путилин, – ты не одевайся в свое платье, а вот, не угодно ли тебе облачиться в то, что я привез в этом узле.

И передо мною появились какие-то грязные отрепья, вроде тех, которые были на Путилине.

– Что это...

– А теперь садись! – кратко изрек Путилин после того, как я оделся. – Позволь мне заняться твоей физиономией. Она слишком прилична для тех мест, куда мы идем...

Глава III. Среди нищей братии

– Бум! Бум! Б-у-ум! – глухо раздался в раннем, утреннем, промозгом воздухе звон колокола Спаса на Сенной.

Это звонили к ранней обедне.

В то время ранняя обедня начиналась чуть ли не тогда, когда кричали вторые петухи.

Сквозь неясный, еле колеблющийся просвет утра с трудом можно было разобрать очертания черных фигур, направляющихся к паперти церкви.

То были нищие и богомольцы.

Ворча, ругаясь, толкая друг друга, изрыгая отвратительную брань, спешили сенновские нищие и нищенки скорее занять свои места, боясь, как бы кто другой, более нахальный и сильный, не перехватил «теплого» уголка.

– О, Господи! – тихо неслись шамкающие звуки беззубых ртов стариков и старух-богомолок, крестившихся широким крестом.

Когда Путилин и я, подойдя к паперти, перешли ее и вошли в сени церкви, нас обступила озлобленная рать нищих.

– Это еще что за молодчики появились? – раздались негодующие голоса.

– Ты как, рвань полосатая, смеешь сюда лезть? – наступала на Путилина отвратительная старая мегера.

– А ты, что же, откупила все места, ведьма? – сирым голосом дал ей отпор Путилин.

Теперь взбеленились все.

– А ты думаешь, даром мы тут стоим? Да мы себе каждый местечко покупаем, ирод рваный!...

– Что с ними долго разговаривать! Взашей их, братцы!

– Выталкивай их!

Особенно неистовствовал страшный горбун.

Все его безобразное тело, точно тело чудовища-спрута, порывисто колыхалось, длинные цепкие руки-щупальцы готовы были, казалось, схватить нас и задавить в своих отвратительных объятиях, единственный глаз, налившись кровью, сверкал огнем бешенства.

Я не мог сдержать дрожи отвращения.

² [2] Гарус. Род мягкой крученой шерстяной пряжи.

– Вон! Вон отсюда! – злобно рычал он, наступая на нас.
– Что вы, безобразники, в храме Божиим шум да свару поднимаете? – говорили с укоризной некоторые богомольцы, проходя притвором церкви.

– Эх, вижу, братцы, народ вы больно уж алчный!... – начал Путилин, вынимая горсть медяков и несколько серебряных монет. – Без откупа, видно, к вам не влезешь. Что с вами делать! Натя, держите!

Картина вмиг изменилась.

– Давно бы так... – проворчала старая мегера.

– А кому деньги-то отдать? – спросил Путилин.

– Горбуну Евсеичу!

– Он у нас старшой.

– Он староста.

– Безобразная лапа чудовища-горбуна уже протянулась к Путилину.

Улыбка бесконечной алчности зазмеилась на страшном лице уroda.

– За себя и за товарища? Только помните: две недели третью часть выручки – нам на дележ. А то, все равно, – сживем!...

Ранняя обедня подходила к концу.

Путилин с неподражаемой ловкостью завязывал разговор с нищими о вчерашнем трагическом случае перед папертью Спаса.

– Как вы, почтенный, насчет сего думаете? – с глупым лицом обращался он несколько раз к горбуну.

– Отстань, обормот!... Надоел! – злобно сверкал тот глазом-щелкой.

– У-у, богатый черт, полагать надо! – тихо шепнул Путилин на ухо соседу-нищему.

– Да нас с тобой, брат, купит тысячи раз и перекупит! – ухмылялся тот. – А только бабник, да и здорово заливает!...

По окончании обедни оделенная копейками, грошами и пятаками нищая братия стала расходиться.

– Мы пойдем за горбуном... – еле слышно бросил мне Путилин.

Горбун шел скоро, волоча по земле искривленную, уродливую ногу.

Стараясь быть незамеченными, мы шли, ни на секунду не выпуская его из виду.

Раз он свернул налево, потом – направо, и вскоре мы очутились перед знаменитой Вяземской лаврой.

Горбун юркнул в ворота этой страшной клоаки, «чудеса» которой приводили в содрогание людей с самыми крепкими нервами.

Это был расцвет славы Вяземки – притона всей столичной сволочи, обрушивающейся на петербургских обывателей.

Отъявленные воры, пьяницы-золоторотцы, проститутки – все свили здесь прочное гнездо, разрушить которое было не так-то легко.

Подобно московскому Ржанову дому Хитрова рынка, здесь находились и ночлежки – общежития для сего «почтенного» общества негодяев и мегер и отдельные комнатки-конуры, сдаваемые за дешевую цену «аристократам» столичного сброда.

Притаившись за грудой пустых бочек, мы увидели, как страшный горбун, быстро и цепко поднявшись по обледенелой лестнице, заваленной экскрементами, вошел на черную «галдарейку» грязного ветхого надворного флигеля и, отперев огромный замок, скрылся за дверью какого-то логовища.

– Ну, теперь мы можем ехать! – задумчиво произнес Путилин, не сводя глаз с таинственной двери, скрывшей горбуна.

– Ты что-нибудь наметил? – спросил я.

– Темно... темно... – как и вчера ночью ответил он.

Глава IV. Мать жертвы

В сыскном Путилина ожидал сюрприз.

Лишь только мы, предварительно переодевшись, зашли в кабинет, как дверь распахнулась и в сопровождении дежурного агента вошла, вернее, вбежала небольшого роста, худощавая пожилая женщина.

Одета она была так, как одеваются мешанки или бедные, но «благородные» чиновницы-«цикорки»: в подобие какой-то черной поношенной шляпы, прикрытой черной косынкой, в длинном черном пальто.

Лишь только она вошла, как сейчас же заплакала, заголосила.

– Ах-ах-ах... ваше... ваше превосходительство...

– Что такое? Кто эта женщина? – спросил Путилин агента.

– Мать девушки, найденной вчера перед церковью Спаса... – доложил агент.

Лицо Путилина было бесстрастно.

– Садитесь, сударыня... Да вы бросьте плакать... Давайте лучше побеседуем... – пригласил Путилин.

– Да ка-а-ак же не плакать-то?! Дочь – единственная... Леночка моя ненагля-я-дная... Видела ее, голубушку...

Из расспросов женщины выяснилось следующее. Она – вдова скромного канцелярского служителя, умершего «от запоя». После смерти кормильца в доме наступила страшная нужда.

Она шила, гадала на кофейной гуще, обмывала даже покойников, словом, делала все, чтобы «держаться на линии» со своей Леночкой.

– А она – красавица у меня! Характеру Леночка была гордого, замечательного, можно сказать. И-и! никто к ней не подступайся! Королева прямо! В последнее время – тоже работать начала. На лавки белье шили мы... Шьет бывало, голубушка, а сама вдруг усмехнется да и скажет: «А что вы думаете, мамаша, будем мы с вами богатые, помяните мое слово!» «Да откуда, – говорю ей, – богатство-то к нам слетит, Леночка?» А она – только бровью соболиной поведет. «Так, – говорит, – верю я в счастье мое»...

Сильные рыдания сотрясли вдову-«чиновницу».

– А вот какое счастье на поверку вышло! А-а-ах!...

– Скажите, сударыня, ваша дочь часто отлучалась из дома?

– Да не особенно... Когда работу отнести надо было...

– Когда последний раз до катастрофы она ушла из дома?

– Часов около семи вечера. Жду ее, жду – нет. Уже и ночь настала. Тоскует сердце. Ну, думаю, может, к подруге какой зашла, ночевать осталась. Ан – и утро! А тут, вдруг, услышала: девушку нашли мертвой у церкви Спаса. Бросилась туда. Говорят, отвезли уж куда-то. Разыскала. Взглянула – и с ног долой. Моя Леночка ненаглядная!

– Скажите, а ведомо ли вам, что за лифом вашей дочери были найдены сорок девять тысяч семьсот рублей?

На вдову нашел столбняк.

– К... как? Сколько? – обезумела она. Путилин повторил.

– А где же деньги? – загорелись глаза у «цикорки».

– У нас, конечно, сударыня.

– А вы... куда ж их денете? Я, ведь, мать ее, я – наследница. Мы невольно улыбнулись.

– Нет уж, сударыня, этих денег вы не наследуете... – ответил Путилин. – А вот лучше скажите: откуда, по вашему мнению, у дочери могла взяться такая сумма?

Вдова захныкала.

– А я почем знаю, господин начальник.

Путилин сдал вдову на руки своему опытному помощнику.

У нее надо было узнать подробные сведения о всех знакомых, о тех магазинах, куда Леночка сдавала работу.

Туда по горячим следам должны были быть направлены агенты.

Но я ясно видел, что Путилин распоряжался как бы нехотя, словно сам не доверял целесообразности тех мер розыска, которые предпринимал.

Я хорошо изучил моего гениального друга и чувствовал, что он делает все это больше для очистки совести.

– Позовите мне Х! – отдал он приказ.

Х. был любимый агент Путилина. Силач, бесстрашный, находчивый.

– Слушайте, голубчик, сейчас мы с вами побеседуем кое о чем. Затем он обратился ко мне.

– Поезжай, друже, домой и ожидай меня ровно в восемь часов вечера. Сегодня ночью мы продолжим наши похождения. Только отпусти лакея.

Глава V. В логовище зверя

Стрелка часов показывала ровно восемь, когда я услышал звонок. Я поспешно открыл дверь и попятился удивленный: первую вошла в мою переднюю... девушка, которую я вчера видел убитой на Сенной площади.

Крик ужаса готов был сорваться с моих уст, как вдруг раздался веселый смех Путилина, вошедшего вслед за ней.

– Не бойся, дружище, это не привидение, а только моя талантливая сотрудница по трудному и опасному ремеслу.

– Фу-у, черт возьми, Иван Дмитриевич, ты всегда устроишь какую-нибудь необыкновенную штучку! – вырвалось у меня. – Но, Боже мой, какой великолепный маскарад! Совсем она!

Я, подробно осматривавший труп, заметил даже большую черную родинку на левой щеке девушки.

Путилин был искусно загримирован, но в обыкновенной, сильно поношенной и продранной триковой «тройке».

– А мне в чем ехать? – спросил я.

– Да так, как есть... Только сомни воротник и обсыпь себя мукой или пудрой...

Я исполнил повеления моего друга и через несколько минут мы вышли из квартиры.

У ворот нас ждал любимый агент Путилина.

– Все?

– Все, Иван Дмитриевич.

«Малинник», знаменитый вертеп пьянства и разврата, гремел массой нестройных голосов.

Если ужасы Вяземки днем были отвратительны, то неопишуемые оргии, происходящие ночью в «малиннике», были поистине поразительны. Все то, что днем было собрано, наворовано, награблено, – вечером и ночью пропивалось, прогуливалось в этом месте.

Тут мнилось, Бог совершенно отступался от людей, и люди, опившиеся, одурманенные зверскими, животными инстинктами, находились во власти Сатаны.

Когда мы подошли, стараясь идти не вместе, а поодиночке, к этой клоаке, Путилин сказал:

– Барынька, вы останьтесь здесь, с Х. Мы с доктором войдем сюда, и, наверное, скоро вернемся...

Мы вошли в ужасный притон.

Первое, что бросилось нам в глаза, была фигура горбуна.

Он сидел на стуле, низко свесив свои страшные ноги. Получилось' такое впечатление, будто за столом сидит только огромный горб и огромная голова.

Лицо горбуна было ужасно. Сине-багровое, налившееся кровью, оно было искажено пьяно-сладострастной улыбкой.

На коленях его, если можно только эти искривленные обрубки назвать коленями, сидела молодая пьяная девочка лет пятнадцати.

Она, помахивая стаканом водки, что-то кричала тоненьким, сиплым голоском, но что она кричала, за общим гвалтом разобрать было невозможно,

– Горбун! Дьявол! – доносились возгласы обезумевших от пьянства и разврата людей.

Кто-то где-то хохотал животным смехом, кто-то плакал пьяным плачем.

– Назад! – шепнул мне Путилин.

Мы быстро, не обратив на себя ничего внимания, выскочили из этого смрадного вертепа.

Я был поражен. Для чего же мы отправились сюда? На что рассчитывает мой друг?

– Скорее! – отдал приказ Путилин агентам, поджидавшим нас. Нас толкали, отпускали по нашему адресу непечатную брань.

Кто-то схватил в охапку агентшу, но, получив здоровый удар от агента X, с проклятием выпустил ее из своих рук.

– Дьявол! Здорово дерется!...

Минуты через две мы очутились перед той лестницей, ведущей на «галдарейку» флигеля, по которой сегодня утром подымался горбун.

Путилин поднялся первый. За ним – агент X, потом – я, последней – агентша.

– Вам ничего не известно? – тихо спросил я ее, терзаемый любопытством.

– Да разве вы его не знаете? Разве он скажет что-нибудь наперед? – загадочно ответила она.

Вот и эта вонючая, зловонная галерея.

Она была почти темна. В самом конце ее только из крошечного окна лился тусклый свет сквозь разбитое стекло, заклеенное бумагой.

Перед нами была небольшая дверь, обитая старой-престарой клеенкой. Длинный засов, на нем – огромный висячий замок.

– Начинайте, голубчик! – обратился Путилин к агенту. Послышался чуть слышный металлический лязг инструментов в руках агента X.

– А теперь, господа, вот что, – обратился уже к нам Путилин. – Если замка открыть не удастся, тогда я немедленно возвращусь в «малинник», а вы... вы караульте здесь. Смотрите, какое тут чудесное помещение.

С этими словами Путилин подвел нас к конуре, напоминающей нечто вроде сарая-кладовой. Я недоумевал все более и более.

– Иван Дмитриевич, да объясни ты хоть что-нибудь.

– Тсс! Ни звука! Ну, как?

– Великолепно! Кажется, сейчас удастся, – ответил X.

– Ну?

– Готово!

– Bravo, голубчик, это хороший ход! – довольным голосом произнес Путилин.

– Пожалуйста! – раздался шепот агента X.

– Прощу! – пригласил нас Путилин, показывая на открывшуюся дверь.

Первой вошла агентша, за ней – я. Путилин остановился в дверях и обратился к X.

– Ну, а теперь, голубчик, закройте, вернее, запирайте нас на замок таким же образом.

– Как?! – в сильнейшем недоумении и даже страхе вырвалось у меня. – Как?! Мы должны быть заперты в этом логовище?

– Совершенно верно, мы должны быть заперты, дружище... – невозмутимо ответил мой друг. – Постойте, господа, пропустите меня вперед, я вам освещу немного путь.

Путилин полез в карман за потайным фонарем.

В эту секунду я услышал звук запираемого снаружи замка. Много, господа, лет прошло с тех пор, но уверяю вас, что этот звук стоит у меня в ушах, точно я его слышу сейчас. Чувство холодного ужаса пронизало все мое существо. Такое чувство испытывает, наверное, человек,

которого хоронят в состоянии летаргического сна, когда он слышит, что над ним заколачивают крышку гроба, или осужденный, брошенный в подземелье, при звуке захлопываемой за ним навеки железной двери каземата.

– Ну, вот и свет! – проговорил Путилин. Он держал впереди себя небольшой фонарь. Узкая, но яркая полоса света прорезала тьму. Мы очутились в жилище страшного горбуна. Прежде всего, что поражало, – был холодный, пронизывающе сырой воздух, пропитанный запахом отвратительной плесени.

– Брр! Настоящая могила... – произнес Путилин.

– Д-да, неважное помещение, – согласился я.

Небольшая комната – если только это грязное, смрадное логовище можно было назвать комнатой – было почти все заставлено всевозможными предметами, начиная от разбитых ваз и кончая пустыми жестяными банками, пустыми бутылками, колченогими табуретами, кусками материи.

В углу стояло подобие стола. На нем, как и на всем остальном, толстым слоем лежала пыль и грязно-бурая, толстая паутина. Видно было, что страшная лапа безобразного чудовища-горбуна не притрагивалась к этому годами.

Около стены было устроено нечто вроде кровати. Несколько досок на толстых поленьях; на этих досках – куча отвратительного тряпья, служившего, очевидно, подстилкой и прикрытием уроду.

– Не теряя ни минуты, я должен вас спрятать, господи! – проговорил Путилин.

Он зорко осмотрелся.

– Нам с тобой, дружище, надо быть ближе к дверям, поэтому ты лезь под этот угол кровати, а я, в последнюю минуту, займу вот эту позицию. И Путилин указал на выступ конуры, образующий как бы нишу.

– Теперь – и это главное – мне надо вас, барынька, устроить. О, от этого зависит многое, очень многое! – загадочно прошептал гениальный сыщик.

Он оглядел еще раз логовище горбуна.

– Гм... скверно... Но нечего делать! Придется вам поглотить пыли и покусать паутинки, барынька. Потрудитесь спрятаться вот за ту пирамидку – указал Путилин на грудку различных предметов. – Кстати, снимите ваш плащ. Давайте мне! Его можно бросить куда угодно, лишь бы он не попадался на глаза. Отлично... вот так. Ну-ка, доктор, извольте взглянуть на сие зрелище!

Я выглянул уже из-под кровати и испустил подавленный крик изумления.

Предо мною стояла – нет, я не так выразился -,не стояла, а стоял «труп Леночки», убитой девушки. С помощью удивительно «жизненного» трико телесного цвета получалась – благодаря скудному освещению – полная иллюзия голого тела. Руки и ноги казались кровавыми обрубками, вернее – раздробленной кровавой массой.

Длинные волосы, смоченные кровью, падали на плечи беспорядочными прядями.

– Верно? – спросил Путилин.

– Но это... – заплетающимся голосом пролепетал я... – Это, черт знает, что такое.

На меня, съездившегося под кроватью, положительно нашел столбняк.

Мне казалось, что это какой-то кошмар, больной, тяжелый, что все это не действительность, а сон.

Но, увы! Это была действительность.

– Ну, по местам! – тихо скомандовал Путилин, гася фонарь. – Да, кстати, барынька, зажимайте крепко нос, дышите только ртом. Там слишком много пыли, а пыль иногда – в деле уголовного сыска – преопасная вещь... Тсс! Теперь – ни звука.

Наступила тьма и могильная тишина.

Я слышал, как мое сердце бьется тревожными, неровными толчками.

Глава VI. Из-за могилы

Время тянулось страшно медленно. Секунды казались минутами, минуты – часами.

Вдруг до моего слуха донеслись шаги человека, подходящего к двери.

Послышалось хрипкое ворчание, точно ворчание дикого зверя, вперемешку со злобными выкриками, проклятиями.

Загремел замок.

– Проклятая!... Дьявол!... – совершенно явственно долетали слова.

Лязгнул засов, как-то жалобно скрипнула дверь, и в конуру ввалился человек. Кто он, я, конечно, не мог видеть, но сразу понял, что это страшный горбун.

Он был, очевидно, сильно пьян.

Изрыгая отвратительную ругань, горбун натолкнулся на край кровати, отлетел потом в противоположную стену и направился колеблющейся походкой в глубь логовища.

– Что? Сладко пришлось, ведьма? Кувырк, кувырк, кувырк... Ха-ха-ха! – вдруг разразился иступленно-безумным хохотом страшный горбун.

Признаюсь, я похолодел от ужаса.

Вдруг конура осветилась слабым синевато-трепетным светом. Горбун черкнул серную спичку и, должно быть, зажег сальную свечу, потому что комната озарилась тускло-красным пламенем.

– Только ошиблась, проклятая, не то взяла! – продолжал рычать горбун.

Он вдруг быстро наклонился под кровать и потащил к себе небольшой черный сундук.

Мысль, что он меня увидит, заставила заледенеть кровь в моих жилах. Я даже забыл, что у меня есть револьвер, которым я могу разmozжить голову этому чудовищу.

Горбун, выдвинув сундук, поставил дрожащей лапой около него свечку в оловянном подсвечнике и, все также изрыгая проклятия и ругательства, отпер его и поднял крышку. Свет падал на его лицо. Великий Боже, что это было за ужасное лицо! Клянусь вам, это было лицо самого дьявола!... Медленно, весь дрожа, он стал вынимать мешочки, в которых сверкало золото, а потом – целую кипу ценных бумаг и ассигнаций.

С тихим, захлебывающимся смехом он прижимал их к своим безобразным губам.

– Голубушки мои... Родненькие мои... Ах-ох-хо-хо! Сколько вас здесь... Все мое, мое!...

Человек-чудовище беззвучно хохотал. Его единственный глаз, казалось, готов был выскочить из орбиты. Страшные, цепкие руки-щупальцы судорожно сжимали мешочки и пачки. Но почти сейчас же из его груди вырвался озлобленный вопль-рычание:

– А этих нет! Целой пачки нет!... Погубила, осиротила меня!

– Я верну их тебе! – вдруг раздался резкий голос. Прежде, чем я успел опомниться, то увидел, как горбун в ужасе запрокинулся назад.

Его лицо из сине-багрового стало белее полотна. Нижняя челюсть отвисла и стала дрожать непрерывной дрожью.

К нему медленно, тихо и плавно, словно привидение, подвигалась девушка-«труп».

Ее руки были простерты вперед.

– Ты убил меня, злое чудовище, но я... я не хочу брать с собою в могилу твоих постылых денег. Они будут жечь меня, не давать покоя моей душе.

Невероятно дикий крик, полный смертельного ужаса, огласил мрачное логовище.

– Скорее! Ползи к двери. Сейчас же вон отсюда, – услышал я подавленный шепот Путилина.

Я пополз из-под угла кровати к двери.

– Не подходи! Не подходи! Исчадие ада!... – в смертельном ужасе лепетал горбун.

Девушка-«труп» подходила к горбуну все ближе и ближе.

– Слушай, убийца, – загробным голосом говорила она. – Там, на колокольне, под большим колоколом, прикрытые тряпкой лежат твои деньги. Я пришла к тебе с того света, чтобы сказать: торопись скорее туда, ты свободно пройдешь на колокольню и возьмешь эти

проклятые деньги, из-за которых убил меня.

Обезумевший от ужаса страшный горбун, сидевший к нам спиной, замер.

Путилин быстро и тихо толкнул меня вперед и открыл ногой дверь.

– Беги немедленно, что есть силы! Спускайся по лестнице! К воротам!

Я несся, что было духу. Оглянувшись, я увидел, что за мной несется Путилин и Х. Вдруг из логовища горбуна мелькнула белая фигура и, с ловкостью истинной акробатки, сбежала с лестницы.

– Поздравляю вас, барынька, с блестящим дебютом! – услышал я голос Путилина.

Глава VII На колокольне

Мы поднимались по узкой, винтообразной лестнице спасской колокольни.

Я, еще не успевший прийти в себя после всего пережитого, заметил кое-где фигуры людей.

Очевидно, мой гениальный друг сделал заранее распоряжения. Фигуры почтительно давали нам дорогу, затем – после того, как Путилин им что-то отрывисто шептал – быстро ступешивались.

Когда мы взойшли на колокольню, было ровно два часа ночи.

– Ради Бога, друг, зачем же мы оставили на свободе этого страшного горбуна? – обратился я, пораженный, к Путилину.

Он усмехнулся.

– Положим, дружище, он – не на свободе. Он – «кончен», то есть пойман; за ним – великолепный надзор. А затем... Я хочу довести дело до конца. Знаешь, это моя страсть и лучшая награда. Позволь мне насладиться одним маленьким моментом. Ну, блестящая дебютантка, пожалуйста сюда, за этот выступ! Я – здесь, вы – там!

Мы разместились. Первый раз в моей жизни я был на колокольне. Колокола висели большой темной массой. Вскоре выплыла луна и озарила их своим трепетным сиянием. Лунный свет заиграл на колоколах, и что-то таинственно-чуждое было в этой картине, полной мистического настроения.

По лестнице слышались шаги. Кто-то тяжело и хрипло дышал.

Миг – и на верху колокольни появилась страшная, безобразная фигура горбуна.

Озаренная лунным блеском, она казалась воспроизведением большой фантазии.

Боязливо озираясь по сторонам, страшный человек быстро направился к большому колоколу.

Тихо ворча, он нагнулся и стал шарить там своей лапой...

– Нету... нету... Вот как!... Неужели, ведьма проклятая, надула?...

Огромный горб продолжал шевелиться под колоколом.

– Тряпка... где тряпка? А под ней мои денежки! – усиливал свое ворчание человек-зверь.

– Я помогу тебе, мой убийца!

С этими словами из своего прикрытия выступила девушка-«труп» сотрудница Путилина.

Горбун испустил жалобный крик. Его опять, как и там, в конуре, затрясло от ужаса.

Но это продолжалось одну секунду. С бешеным воплем страшное чудовище одним гигантским прыжком бросилось на имитированную «Леночку» и сжало ее в своих ужасных объятиях.

– Проклятая дочь Вельзевула! Я отделаюсь от тебя! Я сброшу тебя во второй раз!...

Крик, полный страха и мольбы, прорезал тишину ночи.

– Спасите! Спасите!

– Доктор, скорее! – крикнул мне Путилин, бросаясь, как молния, к чудовищному горбуну.

Наша агентша трепетала в его руках.

Он, высоко подняв ее в воздух, бросился к перилам колокольни.

Путилин схватил горбуна за шею, стараясь оттащить его.

Вот в это-то время некоторые, случайно проезжавшие и проходившие в этот поздний час мимо церкви Спаса на Сенной, и видели эту страшную картину; озаренный луной безобразный горбун стоял на колокольне, высоко держа в своих руках белую фигуру девушки, которую собирался сбросить со страшной высоты.

Я упал под ноги горбуну.

Он грохнулся навзничь, не выпуская, однако, из своих цепких объятий бедную агентшу, которая была уже в состоянии глубокого обморока.

– Сдавайся, мерзавец! – Путилин приставил блестящее дуло револьвера ко лбу уроды. – Если сию секунду ты не выпустишь женщину, я раскрою твой безобразный череп.

Около лица горбуна появилось и дуло моего револьвера.

Цепкие, страшные объятия уроды разжались и выпустили полузадушенное тело отважной агентши.

Урод-горбун до суда и до допроса разбил себе голову в месте заключения в ту же ночь.

При обыске его логовища в сундуке было найдено... триста сорок тысяч двести двадцать рублей и несколько копеек.

– Скажи, Иван Дмитриевич, – спросил я позже моего друга, – как удалось тебе напасть на верный след этого чудовищного преступления...

– По нескольким волосам... – усмехаясь, ответил Путилин.

– Как так?! – поразился я.

– А вот слушай. Ты помнишь, когда протиснулся горбун к трупу девушки, прося дать ему возможность взглянуть на «упокойницу»? Вид этого необычайного уроды невольно привлек мое внимание. Я по привычке быстро и внимательно оглядел его с ног до головы и тут, случайно, мой взор упал на пуговицу его порванной куртки. На пуговице, намотавшись, висела целая прядка длинных волос. Волосы эти были точно такого же цвета, что и волосы покойной.

Открывая холст с ее лица, я незаметным и ловким движением сорвал их с пуговицы. При вскрытии я сличил эти волосы. Они оказались тождественными. Если ты примешь во внимание, что я – узнав, где девушка разбилась от падения со страшной высоты – поглядел на колокольню, а затем узнал, что горбун – постоянный обитатель церковной паперти, то... то ты несколько оправдаешь мою смелую уголовно-сыскную гипотезу. Но это еще не все. Я узнал, что горбун богат, что он пьяница и развратник. Для меня вдруг все стало ясно. Я вывел мою собственную линию, которую называю «мертвой хваткой».

– Что же ясно? Как ты проводишь нить между горбуном и Леночкой?

– Чрезвычайно просто. Показания ее матери пролили свет на характер Леночки. Она безумно хотела разбогатеть. Ей рисовались наряды, бриллианты, свои выезды. Я узнал, что она работала на лавку близ церкви Спаса. Что удивительного, что она, прослышав про богатство и женолюбие юрбуна, решила его «пощипать»?

Сначала, пользуясь своей редкой красотой, она вскружила голову безобразного чудовища. Это было время флирта. Она, овладев всецело умом и сердцем горбуна, безбоязненно рискнула прийти в его логовище. Там, высмотрев, похитила сорок девять тысяч семьсот рублей. Горбун узнал, и... любовь к золоту победила любовь к женской красоте. Он решил жестоко отомстить, и, действительно, сделал это.

ГРОБ С ДВОЙНЫМ ДНОМ

Глава I. Гений зла

Путилин ходил из угла в угол по своему кабинету, что с ним бывало всегда, когда его одолевала какая-нибудь неотвязная мысль. Вдруг он круто остановился передо мной. – А ведь

я его все-таки должен поймать, доктор!

– Ты о ком говоришь? – спросил я моего гениального друга.

– Да о ком же, как не о Домбровском! – с досадой вырвалось у Путилина. – Целый год, как известно, он играет со мной, как кошка с мышкой. Много на своем веку видел я отъявленных и умных плутов высокой марки, но признаюсь тебе, что подобного обер-плута еще не встречал. Гений, ей Богу, настоящий гений! Знаешь, я искренно им восхищаюсь.

– Что же тебе, Иван Дмитриевич, особенно должна быть приятна борьба с этим господином, так как вы – противники равной силы.

– Ты ведь только вообрази, – продолжал Путилин, – сколько до сих пор нераскрытых преступлений этого короля воров и убийц лежит на моей совести! В течение одиннадцати месяцев – три кражи на огромную сумму, два убийства, несколько крупных мошеннических дел-подлогов. И все это совершено одним господином Домбровским! Он – прямо неуловим! Знаешь ли ты, сколько раз он меня оставлял в дураках? Я до сих пор не могу без досады вспомнить, как он провел меня в деле похищения бриллиантов у ювелира Г. Как-то обращается ко мне этот известный ювелир с заявлением, что из его магазина началось частое хищение драгоценных вещей: перстней, булавок, запонок с большими солитерами ³ огромной ценности.

– Кого же вы подозреваете, господин Г? – спросил я ювелира.

– Не знаю, прямо не знаю, на кого и подумать. Приказчики мои – люди испытанной честности и, кроме того, ввиду пропаж, я учредил за всеми самый бдительный надзор. Я не выходил и не выхожу из магазина, сам продаю драгоценности, и... тем не менее, не далее, как вчера, у меня на глазах, под носом, исчез рубин редчайшей красоты. Ради Бога, помогите, господин Путилин!

Ювелир чуть не плакал. Я решил взяться за расследование этого загадочного исчезновения бриллиантов.

– Вот что, любезный господин Г., не хотите ли вы взять меня на несколько дней приказчиком? – спросил я его.

Он страшно, бедняга, изумился.

– Как?! – сразу не сообразил он.

– Очень просто: мне необходимо быть в магазине, чтобы следить за покупателями. Как приказчику – это чрезвычайно будет удобно.

На другой день великолепно загримированный я стоял рядом с ювелиром за зеркальными витринами, в которых всеми цветами радуги переливались драгоценные камни.

Я не спускал глаз ни с одного покупателя, следя за всеми их движениями. Вечером я услышал подавленный крик отчаяния злополучного ювелира.

– Опять, опять! Новая пропажа!

– Да быть не может? Что же исчезло?

– Булавка с черной жемчужиной!

Я стал вспоминать, кто был в этот день в магазине. О, это была пестрая вереница лиц! И генералы, и моряки-офицеры, и штатские денди, и великосветские барыни, и ливрейные лакеи, являвшиеся с поручениями от своих знатных господ.

Стало быть, среди этих лиц и сегодня был страшный, поразительно ловкий мошенник. Но в каком виде явился он? Признаюсь, это была нелегкая задача...

На другой день я получил по почте письмо. Помню его содержание наизусть. Вот оно:

«Любезный господин Путилин! Что это вам пришла за странная фантазия обратиться в приказчика этого плута Г.? Это – не к лицу гениальному сыщику. Ваш Домбровский».

Когда я показал это письмо ювелиру, он схватился за голову.

³ [3] Солитер – крупный бриллиант, вправленный в ювелирное изделие обособленно от других камней.

– Домбровский?!... О, я погиб, если вы не спасете меня от него. Это не человек, а дьявол! Он разворует у меня постепенно весь магазин!...

Прошел день без кражи. Я был убежден, что гениальный мошенник, узнав меня, не рискнет больше являться в магазин и что его письмо – не более, как дерзкая бравада.

На следующий день, часов около пяти, к магазину подкатила роскошная коляска с ливрейным лакеем на козлах.

Из коляски вышел, слегка прихрамывая и опираясь на толстую трость с золотым набалдашником, полуседой джентльмен – барин чистой воды. Лицо его дышало истым благородством и доброжелательностью.

Лишь только он вошел в магазин, как ювелир с почтительной поспешностью направился к нему навстречу.

– Счастлив видеть ваше сиятельство... – залепетал он.

– Здравствуйте, здравствуйте, любезный господин Г., – приветливо-снисходительно бросил важный посетитель. – Есть что-нибудь новенькое, интересное?

– Все, что угодно, ваше сиятельство.

– А, кстати: я хочу избавиться от этого перстня. Надоел он мне что-то. Сколько вы мне за него дадите?

Ювелир взял перстень. Это был огромный солитер дивной воды. Г. долго его разглядывал.

– Три тысячи рублей могу вам предложить за него... – после долгого раздумья проговорил он.

– Что? – расхохотался старый барин. – За простое стекло – три тысячи рублей?

– То есть как за стекло? – удивился ювелир. – Не за стекло, а за бриллиант.

– Да бросьте: это лондонская работа. Это – поддельный бриллиант. Мне подарил его мой дядюшка князь В. как образец заграничного искусства подделывать камни.

Злополучный ювелир покраснел, как рак. Его, его, величайшего знатока-специалиста пробуют дурачить!

– Позвольте, я его еще хорошенько рассмотрю.

Он стал проделывать над бриллиантом всевозможные пробы, смысл и значение которых для меня, как для профана, были совершенно темны, непонятны.

– Ну что, убедились? – мягко рассмеялся князь.

– Убедился... что это – бриллиант самый настоящий и очень редкой воды.

Выражение искреннего изумления отразилось на лице князя.

– И вы не шутите?

– Нимало. Неужели вы полагаете, что я не сумею отличить поддельного камня от настоящего?

– И вы... вы согласны дать мне за него три тысячи рублей?

– И в придачу даже вот эту ценную по работе безделушку, – проговорил Г., подавая князю булавку с головкой-камеей тонкой работы.

– А, какая прелесть!... – восхищенно вырвалось у князя. – Ну-с, monsieur Г., я согласен продать вам этот перстень, но только с одним условием.

– С каким, ваше сиятельство?

– Во избежание всяческих недоразумений, вы потрудитесь дать мне расписку, что купили у меня, князя В., перстень с поддельным бриллиантом за три тысячи рублей.

– О, с удовольствием! – рассмеялся ювелир. – Вы извините меня, ваше сиятельство, но вы большой руки шутник!

Расписка была написана и вручена князю. Он протянул Г. драгоценный перстень.

– Сейчас я тороплюсь по делу. Через час я заеду к вам. Вы подберите мне что-нибудь интересное.

– Слушаюсь, ваше сиятельство!

Вскоре коляска отъехала от магазина ювелира.

Прошло минут пять. Я заинтересовался фигурой какого-то господина, очень внимательно разглядывающего витрину окна.

Вдруг яростный вопль огласил магазин.

Я обернулся. Злосчастный ювелир стоял передо мной блеее полотна.

– Господин Путилин... господин Путилин... – бессвязно лепетал он.

– Что такое? Что с вами! Что случилось? – спросил я недоумеваю.

– Фальшивый... фальшивый! – с отчаянием вырвалось у Г.

– Как фальшивый? Но вы же уверяли, что это – настоящий бриллиант?...

Ювелир хватался руками за голову.

– Ничего не понимаю... ничего не понимаю... Я видел драгоценный солитер, который, вдруг, сразу превратился в простое стекло.

Зато я все понял. Этот князь В. был никто иной, как Домбровский. У гениального мошенника было два кольца, капля в каплю похожие одно на другое. В последнюю минуту он всучил ювелиру не настоящий бриллиант, а поддельный.

Путилин опять прошелся по кабинету.

– А знаешь ли ты, что третьего дня опять случилась грандиозная кража? У графини Одинцовой похищено бриллиантов и других драгоценностей на сумму около 400000 рублей! Недурно?

– Гм... действительно, недурно, – ответил я. – И ты подозреваешь...

– Ну, разумеется, его. Кто же, кроме Домбровского, может с таким совершенством и блеском ухитриться произвести такое необычайное хищение! Кража драгоценностей произошла во время бала. Нет ни малейшего сомнения, что гениальный вор находился в числе гостей, ловким образом проник в будуар графини и гам похитил эту уйму драгоценностей.

– И никаких верных следов, друже?

– Пока – никаких. Общественное мнение страшно возбуждено. «В высших инстанциях» несколько косятся на меня. "Мне было поставлено на вид, что ожидали и ожидают от меня большего, что нельзя так долго оставлять на свободе, неразысканным, такого опасного злодея. Откровенно говоря, все это меня страшно волнует.

– Попробовали бы они сами разыскать подобного дьявола... – недовольно проворчал я, искренно любивший моего друга.

– Но, клянусь, что я еще не ослаб и что я во что бы то ни стало поймаю этого господина! – слегка стукнул ладонью по столу Путилин.

Раздался стук в дверь.

– Войдите! – крикнул Путилин.

Вошел дежурный агент и с почтительным поклоном подал ему элегантный конверт.

– Просили передать немедленно в собственные руки вашему превосходительству.

– Кто принес, Жеребцов? – быстро спросил Путилин.

– Ливрейный выездной лакей.

– Хорошо, ступайте.

Путилин быстро разорвал конверт и стал читать. Я не сводил с него глаз и вдруг заметил, как краска гнева бросилась ему в лицо.

– Ого! Это, кажется, уж чересчур! – резко вырвалось у него.

– В чем дело, друже?

– А вот прочти.

С этими словами Путилин подал мне элегантный конверт с двойной золотой монограммой. Вот что стояло в письме:

«Мой гениальный друг!

Вы дали клятву поймать меня. Желая прийти Вам на помощь, сим извещаю

Вас, что сегодня, ровно в три часа дня, я выезжаю с почтовым поездом в Москву по Николаевской железной дороге. С собою я везу все драгоценности, похищенные мною у графини Одинцовой. Буду весьма польщен, если Вы проводите меня. Уважающий Вас Домбровский».

Письмо выпало у меня из рук. Я был поражен, как никогда в моей жизни.

– Что это: шутка, мистификация?

– Отнюдь нет. Это правда.

– Как?!

– Я отлично знаю почерк гениального мошенника. Это один из его блестящих и смелых трюков. Домбровский любит устраивать неожиданные выпады.

– А ты не предполагаешь, что это сделано с целью отвода В то время, когда мы будем его караулить на Николаевском вокзале, он пренебрежительно удерет в иное место. Путилин усмехнулся.

– Представь себе, что нет. Он, действительно, если только мне не удастся узнать его, непременно уедет с этим поездом и непременно по Николаевской дороге. О, ты не знаешь Домбровского! Неужели ты думаешь, что если бы это был обыкновенный мошенник, я не изловил бы его в течение года? В том-то и дело, что он равен мне по силе, находчивости, дерзкой отваге. Он устраивает такие хода, какие не устраивал ни один шахматный игрок мира.

Путилин взглянул на часы.

Стрелка показывала половину второго.

– Я принимаю вызов. Bravo, Домбровский, честное слово, это красивая игра! – возбужденно проговорил мой друг. – Итак, до отхода поезда остается полтора часа... Гм... немного...

Глава II. Путилин провожает мошенника

На Николаевском вокзале в то время не царил при отходе поездов того сумасшедшего движения, какое вы наблюдаете теперь. Пассажиров было куда меньше, поезда ходили значительно реже.

Было без сорока минут три часа, когда я спешно подъехал к Николаевскому вокзалу.

Почти сейчас же приехал и Путилин.

Железнодорожное, вокзальное начальство, предупрежденное очевидно, о его приезде, встретило Путилина.

– Вы распорядились, чтобы несколько задержали впуск пассажиров в поезд? – спросил он начальника станции.

– Как же, как же. Все двери заперты. Могу поручиться, что ни один человек незаметным образом не проникнет в вагоны.

Путилин, сделав мне знак, пошел к выходу на перрон вокзала. Поезд, уже готовый, только еще без паров, был подан. Он состоял из пяти вагонов третьего класса, двух вагонов второго и одного – первого класса, не считая двух товарных вагонов.

– Надо осмотреть на всякий случай весь поезд... – задумчиво произнес Путилин.

Мы обошли все вагоны. Не было ни одного уголка, который не был бы осмотрен нами.

Увы, поезд был пуст, совершенно пуст!

Мы прошли всем дебаркадером. Всюду стояли жандармы, оберегая выходы и входы.

У каждого вагона находились опытные агенты, мимо которых должны были пройти пассажиры.

– У дверей третьего класса в момент выпуска публики будет стоять Х. О, он молодчина! Он не пропустит ни одного подозрительного лица... – возбужденно проговорил Путилин.

Мы вернулись в зал первого класса.

Тут было не особенно много пассажиров. Мой друг зорко всматривался в лица мужчин и женщин, одетых по-дорожному, с традиционными сумками через плечо.

Особенное внимание привлекал высокий рыжий господин с огромными бакенбардами, с чемоданом в руках.

Это был тип англичанина-туриста.

– Пора выпускать публику садиться в вагоны! – незаметно шепнул начальник станции.

– Выпускайте! – также тихо ответил Путилин.

Путилин встал у выходных дверей, не спуская пристальную взора с выходящих пассажиров. Прошел один, другой, третья...

– Скажите, пожалуйста, который час? – по-английски обратился Путилин к высокому рыжему джентльмену.

Тот удивленно вскинул на него глазами.

– Виноват, я не понимаю, что вы говорите! – холодно бросил он.

Пассажиров больше не оставалось.

Дверь была моментально заперта на замок и отдан был приказ выпускать «с осмотрительностью».

Публика почти вся уже расселась по вагонам.

– Его нет! – на ходу бросил Путилину Х, дождавшийся выпуска последнего пассажира из зала третьего класса.

– Садитесь при последнем звонке в вагон первого класса, там – рыжий господин с черным большим чемоданом. Не спускайте с него глаз. Следуйте по пятам. Мы будем обмениваться депешами, – тихо проговорил Путилин.

Поезд был наполнен.

Под предлогом, что кем-то из пассажиров обронен ридикюль с ценными вещами, агенты, кондукторы и жандармы вновь самым тщательным образом обшарили весь поезд. Путилин, якобы муж потерявшей ридикюль дамы, сопровождал их.

Результат был тот же: Домбровского в поезде не было, если только рыжий... До отхода поезда оставалось около девяти минут.

Когда Путилин, с довольной усмешкой обследовав все вагоны, выходил из последнего, своды дебаркадера огласились звуками стройного похоронного пения. Четыре здоровенных факельщика несли большой гроб лилового бархата.

Он в их руках мерно и тихо колыхался.

За гробом шла женщина в трауре, горько, безутешно рыдавшая. Ее истеричный плач, полный тоски, ужаса глухо раздавался под сводами вокзала.

Следом шли певчие, в кафтанах с позументами.

– Куда, в какой вагон вносить? – спросили начальника станции двое черных факельщиков, несших гроб.

– Да вот прямо – в траурный, не видите разве? – недовольно буркнул начальник станции. – Точно в первый раз.

Гроб внесли в вагон. Вновь раздалось заунывное пение.

Путилин, человек в высокой степени религиозный, стоял у печального вагона без шляпы на голове.

Чувствительный и добрый, как все талантливые, благородные люди, он с искренним соболезнованием обратился к даме в трауре.

– Простите, сударыня... Вы так убиваетесь... Кого вы потеряли?

И Путилин указал на гроб, вносимый в траурный вагон. Прелестные, заплаканные глаза молодой женщины посмотрели сквозь черный креп на Путилина.

– Мужа... Я потеряла мужа, моего дорогого мужа.

Она заломила в отчаянии руки и, поддерживаемая каким-то почтенным седым господином, вошла в вагон 1-го класса.

– Третий звонок, – отдал приказ начальник станции.

– «Со святыми упоко-о-ой»... – грянули певчие под звуки станционного дребезжащего колокола.

Поезд стал медленно отходить.

Глава III. Исчезнувший покойник

Я еще никогда не видел моего друга в таком странном состоянии духа, как тогда, когда мы возвращались в карете с вокзала. Моментами – он казался темнее тучи; моментами – лицо его освещалось довольной улыбкой.

Он не проронил ни слова.

Только тогда, когда карета свернула в какой-то переулок неподалеку от управления сыскальной полиции, он обратился ко мне:

– Сегодняшний вечер и сегодняшняя ночь должны кое-что выяснить. Если ты хочешь присутствовать при всех перипетиях моей решительной борьбы с этим дьяволом, то приезжай часов в семь ко мне в управление. Я ожидаю важные донесения.

Сделав несколько визитов по больным, наскоро переодевшись и закусив, я ровно в семь часов входил в служебный кабинет моего друга.

– Ну, что?

– Пока ничего... – сумрачно ответил Путилин.

Мы стали беседовать о некоторых случаях из криминальной хроники Парижа.

– Дешеша! – вытянулся курьер перед Путилиным. Путилин нервно вскрыл ее.

– Проклятие! – вырвалось у него.

«Мы напали на ложный след. Черный чемодан не принадлежит! Домбровскому. Жду ваших распоряжений», – стояло в телеграмме.

Путилин черкнул на листе бумаги:

«Следуйте дальше, вплоть до Москвы».

Беседа о некоторых чудесах антропологии прервалась.

Путилин сидел в глубокой задумчивости. Вдруг он вскочил с места и как иступленный забегал по кабинету.

– Дурак! болван! старый осел! прозевал! прозевал! – вырвалось у него.

Он, казалось, готов был вырвать все свои волосы. Он – мой дорогой, уравновешенный друг – был прямо страшен. Я невольно вскочил и бросился к нему.

– Ради Бога, что с тобой?! Что случилось?

– Случилось то, что мы с тобой, действительно, проводили Домбровского. Я даже с ним, представь, раскланялся.

– Так почему же ты его не арестовал?

Путилин не слушал меня. Быстрее молнии он написал несколько слов на бумаге.

– Дешешу, скорее отправлять! Постойте, вот вторая! Да стойте, черт вас возьми, вот третья!

Я ровно ничего не понимал, у меня, каюсь, даже мелькнула мысль: не сошел ли с ума мой гениальный друг.

– Скорее ко мне Юзефовича.

Через несколько секунд в кабинет вошел маленький, юркий человечек. Путилин что-то шепнул ему на ухо.

– Через сколько времени?

– Да так, часа через два, три. Мы остались вдвоем.

Путилин подошел ко мне и, опустив руку на плечо, проговорил:

– Я посрамлен. Гениальный мошенник сыграл со мной поразительную штуку. Он одел мне на голову дурацкий колпак. Но помни, что за это я дам ему настоящий реванш. А теперь я тебе вот что скажу: содержание тех телеграмм, которые я сейчас получу, для меня известны.

Прошло несколько минут

- Я, заинтересованный донельзя, весь обратился во внимание.
– Дешеша! – опять вытянулся перед Путилиным курьер.
– Им подай! – приказал Путилин. – Ну, докториус, вскрывай и читай!

*«Начальнику сыскной полиции, его превосходительству господину Путилину.
Сим доношу вам, что следовавшая за покойником дама в трауре бесследно исчезла
из вагона 1-го класса, в котором ехала. Осталось только несколько забытых ею
вещей. Куда делась – неизвестно.*

Начальник станции Z. и агент X».

Телеграмма была отправлена со станции «Боровенки». Время получения – 10 час. 38 мин. вечера.

– Что это значит? – обратился я, удивленный, к Путилину. Путилин был бледен от бешенства до удивительности.

– Это значит только то, что ты вскрыешь очень скоро новую депешу.

Действительно, через полчаса, а может и больше, нам подали новую депешу.

*«Случилось необычайное происшествие. Обеспокоенный внезапным
исчезновением дамы в трауре, я по приезде поезда на следующую станцию вошел в
вагон с покойником. Дверь вагона была настежь открыта. Крышка гроба валялась
на полу. Гроб оказался пустым. Покойник украден. Что делать?»*

Агент X.»

Я захлопал глазами.

Признаюсь откровенно, у меня даже волосы встали дыбом на голове.

– Как покойник украден? – пролепетал я. – Кому же надо красть покойника?...

– Бывает... – усмехнулся Путилин, быстро набрасывая слова на бумагу.

– Дешеша! – опять выросла перед нами фигура курьера.

– Что ж, читай уж до конца мою сегодняшнюю страшную корреспонденцию! – просил мой друг.

«Благодарю вас за то, что вы меня проводили. От вас, мой друг, я ожидал большей находчивости. Я сдержал свое слово: вы проводили меня. Искренно вас любящий Домбровский».

– Понял ты теперь или нет? – бешено заревел Путилин, комкая в руках депешу.

От всей этой абракадабры у меня стоял туман в голове.

– Ровно ничего не понижаю... – искренно вырвалось у меня. Секретный шкаф открылся.

Перед нами стоял Юзефович. – Ну?!

– Он здесь. Я привел его.

– Молодец! Впусти.

Дверь отворилась и в кабинет робко, боязливо вошел невысокий человек в барашковом пальто-бекеше.

Глава IV. Странный заказчик

– Вы содержатель гробового заведения Панкратьев? – быстро спросил Путилин.

– Я, ваше превосходительство! – почтительно ответил он.

– Расскажите, как было дело!

– Было это четыре дня тому назад, – начал гробовщик. – Час уже был поздний, мастерская была закрыта. Мы спешно кончали гроб. Вдруг через черный вход входит господин, отлично одетый.

– Вы хозяин? – обратился он ко мне.

– Я-с. Чем могу служить?

– Я приехал заказать вам гроб.

– Хорошо-с. А к какому сроку вам требуется его изготовить?

– Да как успеете... – ответил поздний посетитель. – Я хорошо заплачу.

– А вам для кого гроб требуется, господин? – обрадованный посулом щедрой платы, спросил я.

– Для меня! – резко ответил он.

Я вздрогнул, а потом скоро сообразил: ну, конечно, шутит господин.

– Шутить извольте, хе-хе-хе, ваше сиятельство!

А он так и вонзился в меня своими глазами.

– Я, любезный,нисколько не шучу с вами! вам нужна мерка? Так потрудитесь снять ее с меня. Не забудьте припустить длину гроба, потому что, когда я умру, то, конечно, немного вытянусь.

Я-с, признаюсь, ваше превосходительство, нехорошо себя почувствовал, даже побелел весь, как потом мне рассказывала жена и подмастерье. Оторопь, жуть взяли меня. Первый раз в жизни моей приходилось мне для гроба снимать мерку с живого человека.

Однако, делать нечего, взял я трясущимися руками мерку и стал измерять важного господина.

Когда покончил я с этим, он и говорит:

– Сейчас я вам объясню, какой я желаю гроб, а пока... нет ли у вас какого-нибудь готового гроба, чтобы я мог кое-что сообразить?...

Я указал ему на гроб, который мы уже обтягивали глазетом ⁴.

Посетитель подошел и полез в него.

– Дайте подушку! – строго скомандовал он.

– Агаша! Давай подушку свою! – приказал я жене.

Та, со страхом, тихонько крестясь, подала мне подушку. Через секунду посетитель лежал, вытянувшись в гробу.

– Дайте крышку! – приказал он. – Прикройте меня ею!...

Поверите ли, как стал я закрывать гроб крышкой, аж зубы у меня защелкали. Что, думаю, за диво такое? Уж не перехватил ли я, грешным делом, лишнего сегодня с приятелем-гробовщиком в погребке, уж не снится ли мне страшный сон? Даже за нос свой, ваше превосходительство, себя ущипнул.

– Отлично! – громко вскричал важный господин, вылезая из гроба.

– Про... Прочная работа... – заикнулся я.

– Ну-с, любезный хозяин, теперь я вам объясню, какой гроб вы должны мне сделать. Прежде всего – вы должны сделать гроб мне с двойным дном.

– Как с двойным дном?! – попятился я.

– Очень просто, именно с двойным дном. Разве вы не знаете, что такое двойное дно? На первом дне буду лежать я, а подо мной должно находиться пустое пространство, сиречь – второе дно. Ширина его не должна быть большая... Так, примерно, вершка ⁵ в три, четыре. Поняли?

⁴ [4] Глазет – парча с цветной шелковой основой и вытканными на ней золотыми и серебряными узорами.

⁵ [5] Вершок – стиран русская мера длины, равная 4,4 см.

– П... понял... – пролепетал я.

– Затем в крышке гроба, в уровень с моим лицом, вы вырежете три дырочки-отверстия: две – для глаз, одну – для рта. Сверху вы прикроете их кусочками-кружочками из бархата. Вы примерьте-ка лучше, любезный!

Господин вновь влез в гроб. Я, накрыв его крышкой, мелом очертил на ней, где должны быть дырочки для глаз, для рта.

– Затем, и это весьма важно, вы должны поставить в углах крышки такие винтики, чтобы покойник, в случае, если бы он захотел, мог совершенно свободно отомкнуть завинченную крышку. Поняли? Гроб обейте лиловым бархатом. Ну-с, сколько вы возьмете с меня за такой гроб?

Я замкнулся. Сколько с него заломить при такой оказии? Барин чудной, богатый, видно.

– Не знаю, право, ваше сиятельство... – пробормотал я.

– Пятьсот рублей довольно будет? – улыбнулся он, вынимая из толстого бумажника пять радужных.

Я, обрадованный, спросил, куда они прикажут доставить гроб.

– Я сам за ним заеду, любезный. Если все хорошо сделаете, я прибавлю вам еще пару таких же билетов. До свидания.

Когда он ушел, мы долго с женой и подмастерьем обсуждали это необычайное, можно сказать, посещение и этот диковинный заказ. Жена моя – женщина нрава решительного – выхватила у меня деньги и прикрикнула на меня: Ну, о чем ты сусолишь? Тебе-то что? Мало ли какие затеи приходят в голову сытым господам? Пшел стругать гроб! Ну, а дальше что, Панкратьев? – спросил Путилин. Через сутки, к вечеру, приехал этот господин, гробом остался доволен, дал, как обещался, две радужных и увез гроб с собою. Ступайте! Вы свободны! – отрывисто бросил Путилин.

– Покорнейше благодарим, ваше превосходительство! – кланяясь чуть не до земли, радостно проговорил гробовщик, пятясь к дверям.

Когда мы остались одни, Путилин искренно и восторженно проговорил:

– Помилуйте Бог, какой молодец! Тот день, когда я его поймаю, будет днем моего наивысшего торжества!...

Глава V. Изумруд с крестом

Прошло несколько дней.

Необыкновенное приключение с таинственным гробом, из которого во время хода поезда исчез покойник, стало известным петербургской, вернее, всей русской публике и породило самые разноречивые и нелепые толки.

– Вы слышали страшную историю с гробом! Покойник убежал!

– Ну, уж это вы извините, покойники не бегают.

– Но позвольте, это же факт, что гроб оказался пустым?

– Из этого следует, что покойника выкрали.

– Но с какой целью?

– Весьма возможно, что покойник имел на себе драгоценности... Мошенники пронюхали об этом, проникли в вагон, и...

– Обокрали его? Прекрасно. Но зачем же им, мошенникам, мог понадобиться сам покойник? Ведь это – лишняя и страшная обуза.

Такие и в подобном роде разговоры можно было услышать везде. Стоустая молва, по обыкновению, все преувеличивая, перевирая и сдобривая своей досужей фантазией, создала целую чудовищную легенду о появлении какой-то страшной, таинственной шайки «мистических» злодеев, выкрадывающих для ритуальных целей покойников из гробов.

Дело дошло до того, что во время похорон родственники, прежде чем гроб их близкого опускали в могилу, требовали, чтобы перед опусканием крышка его была вновь открыта, дабы

убедиться, что гроб не пуст!

Путилин был в подавленном состоянии духа.

Раскрыть истинный смысл чудесного происшествия с гробом он, в интересах дела, не мог.

– Хорошенькую кутерьму поднял этот негодяй! – ворчал он. – Воображаю, как хохочет он теперь!...

Доставленный немедленно в сыскную полицию – под строжайшим инкогнито! – виновник всей кутерьмы, гроб с двойным дном, был тщательно исследован.

В то время, как мой друг обшаривал пространство, находящееся между первым дном и вторым – потайным, я услышал его подавленно-радостный крик: – Ага! Хоть что-нибудь, хоть что-нибудь найдено...

– В чем дело? – спросил я, удивленный.

– Смотри!

Путилин держал в руке огромный изумруд. Этот драгоценный камень необычайной величины и красоты, принадлежал к породе редчайших кабошонов ^б-изумрудов.

Внутри его, по странной игре природы, совершенно ясно виднелся крест.

Не успели мы как следует осмотреть его, как вошел курьер и подал Путилину депешу:

*«Спешу предупредить вас, мой гениальный друг, что я вчера благополучно прибыл в Петербург. Весь – в вашем распоряжении и к вашим услугам.
Домбровский».*

– Это уж чересчур! – вырвалось у меня.

– Начинается вторая стадия борьбы... – усмехнулся Путилин. – Ты свободен? – после десятиминутного раздумья спросил он меня.

– Совершенно.

– Поедем, если хочешь, вдвоем. В одном месте ты меня подождешь, в другое – мы войдем вместе.

Наша карета остановилась около роскошного барского особняка на аристократической С-ой улице.

Путилин скрылся в подъезде.

Теперь, для плановости рассказа о знаменитых похождениях моего друга, я вам воспроизведу ту сцену, о которой позже рассказывал он мне.

Путилин поднялся по дивной лестнице в бельэтаж. Дверь подъезда распахнул ливрейный швейцар, а дверь квартиры – лакей в безукоризненном фраке.

– Графиня дома? – спросил Путилин.

– Их сиятельство дома...

Через минуту Путилин был принят графиней.

– Скажите, графиня, это ваш изумруд? – показывая ей замечательный «кабошон», спросил он.

Крик радости вырвался из груди графини.

– Мой, мой! Боже, monsieur Путилин, стало быть, вы нашли мои драгоценности?!

– Увы, графиня, пока еще я не нашел ни драгоценностей, ни их похитителя. Но, кто знает, может быть скоро мне это удастся. Я к вам с просьбой.

– В чем дело?

^б [6] Кабошон – камень с особой формой шлифовки (с сильно выпуклой одной стороной линзы или полусферы).

– Разрешите мне от вашего имени сделать газетные публикации, приблизительно такого рода: «Графиня Одинцова сим объявляет, что тот, кто разыщет и доставит ей похищенный в числе многих ее драгоценностей крупный изумруд, в котором виднеется крест и составляющий фамильную редкость, переходящую из рода в род Одинцовых, получит в награду сто тысяч рублей».

– Как!? – в сильнейшем недоумении вырвалось у графини. – Но, ведь, изумруд найден. Вот он – в моих руках. К чему же тогда объявление? И потом – эта огромная награда... Я ровно ничего не понимаю.

– Успокойтесь, графиня... – усмехнулся Путилин. – Спешу успокоить вас, что на самом деле вам никому не придется платить ни копейки. Это объявление нужно мне для особых целей, мотивы которых я не буду сейчас приводить вам.

– О, в таком случае – пожалуйста, пожалуйста...

Путилин вышел от графини и сел в карету, в которой я его поджидал.

– Гм... – несколько раз вырвалось у него в раздумьи. Карета остановилась около лавки, на вывеске которой был изображен гроб и стояла надпись: «Гробовое заведение Панкратьева».

– Сюда мы можем войти вместе! – обратился ко мне мой друг. В мастерской гробовщика заказчиков не было.

Из находящейся рядом комнаты выскочил на звонок гробовщик Панкратьев и при виде Путилина побледнел как полотно.

– Ну, любезнейший, я к тебе в гости! – тихо проговорил Путилин.

– Ваше... превосходительство... – пролепетал дрожащим голосом злосчастный гробовщик.

– Придется тебе теперь расплачиваться, голубчик!

– Ваше превосходительство, не погубите! Видит Бог, я тут не при чем? Польстился на деньги, сделал этот проклятый гроб с двойным дном, а для какой надобности – и сам не знаю. Грех, за него теперь и отвечай...

Путилин рассмеялся.

– Ну, так вот слушай теперь, Панкратьев. В наказание за этот грех я назначаю тебе такую кару: к завтрашнему дню ты должен мне изготовить новый гроб и тоже с двойным дном.

У гробовщика зашевелились волосы на голове. Он даже попятился от Путилина.

– К-как-с? Опять-с гроб с двойным дном?!

Признаюсь, и я был удивлен не менее гробового мастера. Что за странная фантазия пришла в голову моему гениальному другу?

– Опять. И опять с двойным дном, – продолжал Путилин. – Только на этот раз дно второе должно быть несколько иное. Слушай теперь мой заказ. Покойник должен лежать не наверху, а в пространстве между первым дном и вторым. Поэтому, дабы гроб казался не уродливо-большим, а обыкновенным и – запомни это! – точь-в-точь таким же, как и тот, который ты сработал щедрому заказчику, ты сделай вот как: первое дно подыми как можно выше, тогда пространство между двумя днищами будет настолько широкое, что туда можно будет вполне спокойно уместить покойника. Понял?

– Так... точно... – обезумевшим от страха голосом пролепетал гробовщик.

– Затем, первое дно почти совсем не прикрепляй. Сделай так, чтобы покойник, если ему придет фантазия, мог совершенно свободно выскочить из гроба. В этом фальшивом первом дне просверли такие же отверстия, которые ты сделал в крышке первого гроба. И попомни, Панкратьев: если хоть одна собака узнает, какой гроб ты мастеришь, я тебя туда упеку, куда Макар телят не гонял! Все сам делай; подмастерья не допускай к работе, жене своей – ни-гу-гу! За гробом я пришлю завтра сам и, конечно, – со смехом добавил Путилин, – за него ровно ничего тебе не заплачу, ибо ты за первый гроб довольно уж содрал.

Глава VI. Путилин заболел

На другой день утром, проглядывая газеты, я натолкнулся на объявление графини Одинцовой, которое вы уже знаете, но которого я в то еще время не знал. Я подивился нимало.

«Как? – думал я. – Но ведь этот разыскиваемый изумруд – тот самый, который мой друг нашел вчера в потайном отделении таинственного гроба. Вот так штука! Воображаю, как обрадуется Путилин несчастную потерпевшую графиню!»

Вдруг мой взор упал на статью с жирным крупным заголовком: «К ТАИНСТВЕННОЙ ИСТОРИИ С ГРОБОМ И ИСЧЕЗНУВШИМ ИЗ НЕГО ПОКОЙНИКОМ»

С живейшим любопытством я погрузился в чтение этой статейки. Приведу ее содержание:

«Нет ничего тайного, что не сделалось бы в свое время явным. Мы очень рады, что можем первые разгадать то таинственное приключение с гробом, о котором не перестает говорить столица и кажется, что читатели оценят наши старания пролить свет на это мрачное, темное дело. Оказывается, в гробе, который во время следования поезда вдруг оказался пустым, находился вовсе не мертвец, а... „живой покойник“. Этот живой покойник – знаменитый мошенник и убийца Д., придумавший этот дьявольски остроумный способ бегства с целью избежать захвата ареста агентами, поджидавшими злодея на всех вокзалах. Увы, наш талантливый „русский Лекок“, господин Путилин, на этот раз оказался не на высоте своего исключительного дарования. Он посрамлен гениальным мошенником. Гроб, доставленный в сыскную полицию, оказался самым обыкновенным, и только на крышке его обнаружены были дырки, ловко замаскированные бархатом, через которые преступник дышал. В гробу ровно ничего не найдено. В настоящее время как редчайшее уголовно-криминальное орудие гроб помещен в „музей“ сыскного отделения. Мы имели случай его осматривать. Вследствие пережитых волнений с господином Путилиным сделался нервный удар. Состояние здоровья его внушает серьезные опасения».

Когда я прочел это, то даже вскочил и долго не мог прийти в себя от изумления.

– Что это такое?! Как могли господа газетчики пронюхать об этом деле, которое держалось в безусловной тайне, в строжайшем секрете? И потом – главное – откуда они взяли, что с Путилиным сделался нервный удар?

– А что если, действительно, с ним сделалось вечером нехорошо? – мелькнула у меня тревожная мысль. – Ведь мы расстались около четырех часов дня, после гробовщика.

Я немедленно велел закладывать гнедую лошадку и через несколько минут мчался уже к моему другу.

– Что с Иваном Дмитриевичем? – быстро спросил я курьера.

– Ничего... – удивленно смотря на меня, ответил сторож. Я влетел в кабинет гениального сыщика.

Путилин сидел за письменным столом, проглядывая какие-то бумаги.

Он взглянул на меня и с улыбкой бросил:

– Я знал, что ты сейчас приедешь. Я ожидал тебя.

– Что с тобой? Ты заболел?

– Я? Наоборот, чувствую себя превосходно.

– Так что же это значит? – протянул я ему номер газеты.

Путилин усмехнулся.

– Ах, ты про эту глупую заметку? Мало ли что врут репортеры.

– Но откуда, скажи, они могли пронюхать об истории с гробом?

– А черт их знает...

Я подивился в душе тому безразличию и спокойствию, с каким мой друг отнесся к

появлению в газете сенсационного разоблачения.

– Если ты свободен, приезжай, дружище, часа в три, – сказал Путилин.

В три часа я был у него.

– Пойдем. Я хочу тебе кое-что показать.

Глава VII. Итальянский ученый

Тот, кто никогда не бывал в «сыскных музеях», не может себе представить, какое это мрачное и, вместе с тем, замечательно интересное место!

Мрачное потому, что все здесь напоминает, вернее, кричит о крови, ужасах преступлений, самых чудовищных; интересное потому, что тут вы наглядно знакомитесь со всевозможными орудиями преступлений.

Какая страшная коллекция криминально-уголовных «документов». Чего тут только нет! Начиная от простой «фомки» и кончая самыми замысловатыми инструментами, на некоторых из них зловеще виднеются темно-бурые, почти черные, пятна старой запекшейся крови.

Ножи, револьверы, кинжалы, топоры, веревки, мертвые петли, «ошейники», пузырьки с сильнейшими ядами, шприцы, с помощью которых негодяи травили свои жертвы, маски, фонари с потайным светом.

О, всего, что тут находилось, немыслимо перечислить!

Тут воочию вставала пред уstraшенным взором вся, неизмеримая по глубине и ужасу, бездна человеческого падения, человеческой зверской жестокости, жажды крови.

Страшное, нехорошее это было место.

Посредине комнаты стоял знаменитый гроб лилового бархата. Путилин бросил на него быстрый взгляд, и, подойдя к нему, поправил подушку.

– Вот он, виновник моих злключений!... – задумчиво произнес он. – Правда, он выглядит все таким же, друже?

– Ну, разумеется. Что с ним могло сделаться? – ответил я, несколько удивленный.

– Ну, а теперь мне надо с тобой поговорить...

– Великолепно. Ты только скажи мне, для чего ты заказал вчера несчастному гробовщику второй гроб с двойным дном?

Путилин рассмеялся.

– Да так, просто фантазия пришла. Наказать его захотел. Конечно, это объяснение меня не удовлетворило.

Я чувствовал, что сделано это моим другом неспроста. Но для чего? Я, однако, решил об этом у него не допытываться.

– Так в чем дело?

– А вот видишь ли: не улыбается ли тебе мысль сделаться на сегодня, а, может быть, и на завтра, сторожем нашего музея?

Я от удивления не мог выговорить ни слова.

– Если да, то позволь мне облачить тебя вот в этот костюм. И с этими словами Путилин указал на форменное платье сторожа-курьера, приготовленное им, очевидно, заранее.

– Тебе это надо? – спросил я моего друга.

– Лично мне – нет. Я хочу доставить тебе возможность насладиться одним забавным водевилем, если... если только, впрочем, он состоится. Говорю тебе откровенно, я – накануне генерального сражения.

Я ясно видел, что Путилин был, действительно, в нервно-приподнятом настроении.

– Но ты, конечно, дашь мне инструкции соответственно с моей новой профессией, вернее, ролью? Что я должен делать?

– Ты останешься здесь. Лишь только услышишь первый звонок, ты придешь ко мне в кабинет. А там я тебе все объясню быстро и скоро.

Я начал переодеваться и вскоре превратился в заправского курьера-сторожа.

Мой друг натянул мне на голову парик, прошелся рукой искусного гримера по моему лицу и затем внимательно оглядел меня с ног до головы.

– Честное слово, доктор, ты делаешь громадные успехи! И покинул меня.

Прошло с час.

Я чувствовал себя, откровенно говоря, чрезвычайно глупо.

В сотый раз я осматривал знакомые мне до мелочей страшные орудия «музея».

Послышался звонок.

Я быстро пошел в кабинет моего друга, минуя ряд комнат. Я видел, с каким изумлением глядели на меня обычные сторожа сыскного управления.

– Откуда этот новенький появился? – доносился до меня их удивленный шепот.

В кабинете перед Путилиным стоял его помощник, что-то объясняя ему.

В руках Путилина была большая визитная карточка, которую он рассматривал, казалось, с большим вниманием.

Когда я вошел, помощник Путилина взглянул на меня недоумевающе.

– Вы разве не узнаете, голубчик, дорогого доктора, всегдашнего участника наших походов?

Помощник расхохотался.

– Да быть не может? Вы?!

– Я.

– Ну и чудеса начинают у нас твориться!

– Скажи, пожалуйста, ты никогда не слыхал о таком господине? – спросил меня Путилин, подавая визитную карточку, которую держал в руке.

Я взял карточку и прочел:

ПРОФЕССОР ЕТТОРЕ ЛЮИЗАНО

Член Римской Академии Наук, занимающий кафедру судебной медицины

Рим

– Не знаю... – ответил я.

– Скажите, голубчик, чего домогается этот господин? – обратился к помощнику Путилин.

– Он на плохом французском языке обратился ко мне с просьбой осмотреть, научных целей ради, наш криминальный музей. Наговорив кучу любезностей по адресу нашего блестящего уголовного сыска, он заметил, что в осмотре музея ему не было отказано ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции.

– Вы сказали ему, что разрешение осмотра музея посторонним лицам зависит от начальника, а что начальник, т. е. я, в настоящее время болен?

– Сказал. На это он ответил, что обращается с этой же просьбой ко мне как к вашему заместителю.

Путилин забарабанил пальцами по столу и выдержал довольно продолжительную паузу.

– Как вы думаете, разрешить ему осмотр?

– По-моему, отчего же нет. Неловко... Нас и так дикарями за границей считают.

– Хорошо. Теперь слушайте меня внимательно, голубчик: в середине осмотра вы должны выйти из комнаты под предлогом отдачи экстренных распоряжений. Идите! Вы впустите этого чудака-профессора не раньше, как я дам вам мой обычный условный звонок.

Помощник удалился.

– Слушай же и ты, докториус: сию минуту ступай туда и, лишь только во время осмотра мой помощник удалится, ты немедленно выйди за ним следом. Понял? Профессор на секунду останется один. Следи за часами. Ровно через две минуты иди в музей.

Я следил за часовой стрелкой.

Минута... вторая... Я быстро направился в «кабинет преступной музейности».

Он был пуст.

Я встал у дверей.

Где-то послышался звонок. Почти в ту же секунду дверь музея распахнулась, и в сопровождении идущего впереди помощника Путилина появилась фигура итальянского ученого-профессора.

Это был настоящий тип ученого: высокий, сутуловатый, с длинными седыми волосами, с огромными темными очками на носу.

– О, какая прелесть у вас тут! – шамкал на ломаном французском языке Еttore Люизано. – Какая блестящая коллекция! В Лондоне... А... скажите, пожалуйста, это что же? – И он указал на гроб, мрачно вырисовывающийся на фоне этой преступно страшной обстановки.

– Это – последнее орудие преступления, профессор! – любезно объяснил помощник Путилина.

– Гроб?!

– Да.

– О, какие у вас случаются необычайные преступления! – удивленно всплеснул руками итальянский ученый.

Начался подробный осмотр.

Профессор, живо всем интересуясь, поражал своим блестящим знанием многих орудий преступления.

– Боже мой! – шамкал он. – У нас в Италии точь-в-точь такая же карманная гильотина!

– Простите, профессор, я вас покину на одну секунду. Мне надо сделать важное распоряжение относительно допроса только что доставленного преступника... – обратился помощник Путилина к профессору.

– О, пожалуйста, пожалуйста! – любезно ответил тот.

Я направился следом за помощником.

– Так что, ваше высокородие... – проговорил я, скрываясь за дверью соседней комнаты.

Прошло секунд пять, а может быть и минута. Теперь это изгладилось из моей памяти.

Вдруг страшный, нечеловеческий крик, полный животного, смертельного ужаса, прокатился из кабинета-музея.

Я похолодел.

– Скорее! – шепнул мне помощник Путилина.

Мы оба бросились туда и, распахнув дверь, остановились пораженные.

Гроб стоял приподнявшись!

Из него в полроста высывалась фигура Путилина с револьвером в правой руке.

Около гроба, отшатнувшись в смертельном страхе, стоял – с поднятыми дыбом волосами – ученый-профессор.

Его руки были протянуты вперед, словно он защищался от страшного привидения.

– Ну, господин Домбровский, мой гениальный друг, здравствуйте! Сегодня мы квиты с вами? Не правда ли? Если в этом гробу я проводил вас, зато вы встретили меня в нем же самом.

– Дьявол! – прохрипел Домбровский. – Ты победил меня!...

На Домбровского одели железные браслеты. Он перед этим просил, как милости, пожать руку Путилину.

– Знаете, друг, если бы вы не были таким гениальным сыщиком, какой бы гениальный мошенник мог получиться из вас!

– Спасибо! – расхохотался Путилин. – Но я предпочитаю первое.

– Как ты все это сделал? – спрашивал я вечером Путилина. Триумф его был полный.

– Как?... видишь ли. И объявление, и статья были делом моих рук. Это я их написал и

напечатал. Гроб, который ты видел, был второй гроб, в дно которого я и спрятался. Я был убежден, что Домб-ровский, случайно оставивший изумруд в гробу, явится – при такой щедрой посуле – за ним. Когда мне подали карточку «профессора», я знал уже, что это Домбровский. Когда вы вышли из кабинета-музея, негодяй быстро подошел к потайной части гроба. Он лез за драгоценным кабошоном. В эту секунду я, приподняв фальшивое дно, предстал перед ним. Остальное тебе известно.

ТАЙНА СУХАРЕВОЙ БАШНИ

Глава I. Сухарева башня. Страшный призрак

Кто не знает о существовании в Москве Белокаменной знаменитой Сухаревой башни? Башня эта – историческая, имя ее хорошо известно всей необъятной России, поэтому нет надобности рассказывать историю ее происхождения. Москва любит свою серую старушку Сухаревку. Есть что-то бесконечно трогательное в привязанности к памятникам седой старины. К камню, железу относятся точно к одушевленным предметам. Да и в самом деле, разве в этих памятниках старины не сокрыта душа народа?

К любимым московским именам: «Колокольня Ивана Великого», «царь-колокол», «царь-пушка», «Василий Блаженный» и массе иных относится и имя Сухаревой башни. Стоит она в бойком месте торговой Москвы.

Прямо в нее упирается узкая Сретенка, вся наполненная лавками и магазинами; дальше – через ворота – проход, и попадаете на Мещанскую, направо – площадь, названная именем башни – Сухаревой, налево идет под гору Садовая улица, в этой своей части величаемая тоже Сухаревой-Садовой. С давних пор и поднесь на Сухаревой площади происходит по воскресным дням, а равно и перед большими праздниками знаменитый торг, популярная «сухаревка». Торг происходит в палатках, а то и без них, прямо под открытым небом.

Море черных голов, цилиндров и разных картузов, шляп и всевозможных платков запруживает Сухареву площадь. Бывает так тесно, что нельзя шагу ступить. Торгуют тут всем, буквально всем: начиная от ржавых гвоздей и кончая бриллиантами. Со всех концов съезжаются москвичи на свой любимый торг-развал. Бок о бок с чуйкой ⁷ вы встретите здесь и важного барина, богача, любителя-коллекционера, выискивающего среди разного хлама «антики» и «уникумы». Море нестройных звуков висит над Сухаревкой. Резкие зазывания торговцев:

- К нам пожалуйте, к нам!
- А вот самый лучший товар!
- Купец хороший... ваше степенство!
- Разрази Господи, не могу дешевле!...

К ним примешиваются звуки пробуемых музыкальных инструментов: гармоний, гитар и даже удивительного гобоя. Так шумно, что барабанные перепонки готовы лопнуть... Шумно, людно, но и весело. У всех довольные, смеющиеся лица. Остроты, шутки, прибаутки наполняют воздух.

- Эй, тетка, смотри, смотри: потеряла! «Тетка» испуганно схватывается.
- Што, што потеряла?
- Смотри, без юбки идешь, юбку обронила!
- Тьфу! Тьфу, охальники! – вспыхивает «тетка»-молодуха. Своеобразным укладом московской жизни веет от этого торжища. И над всей этой толпой возвышается серая громада высокой Сухаревой башни. Она ревниво охраняет свое царство. По поверью, весьма

⁷ [7] Чуйка – долгополая одежда, сходная с кафтаном; здесь – простолюдин

расхожому в Москве, Сухарева башня ведаёт какой-то таинственной силой. Это поверье весьма схоже с венецианским.

Жители великолепной Венеции, царицы морей, твердо верили, что до тех пор, пока не рухнет башня св. Марка, нации не грозит никакая беда. Жители Москвы так же глядели на Сухареву башню.

– Цела голубушка?

– Цела. Стоит.

– Ну, значит, все хорошо.

И вдруг случилось нечто странное, непостижимое. Одновременно в разных местах Москвы родились и стали расти необыкновенные слухи.

– Слышали? – Что?

– Да о Сухаревой башне?

Голоса вопрошавших понижались, делались испуганно-таинственными.

Что же именно о башне я мог слышать? Историю таинственную... страшную... зловещую. Любопытство, острое, мучительное, брало верх перед страхом.

– Да не томите, объясните толком!

– В башне Сухаревой видели привидение! Чувствуете, привидение...

– Кто видел?

– Какое привидение?

– Когда видели?

Вопросы так и сыпались на тех, кто приносил страшную новость.

– Кто видел? Многие-с. Какое привидение? Чудно-диковинное.

– А именно?

– Вроде как бы императора Петра Великого.

– Да что вы? Да неужели?

– А ей-Богу!

– Где же, где видели-то?

– На крыше Сухаревой, у ее маленькой башенки. Стоит это... высокий человек в петровском капитанском камзоле-мундире. Волосы – длинные; на голове – тогдашняя треуголка; через плечо – португез; сбоку на ней висит шпага; чулки; туфли.

– Ну?!

– Постоял, постоял страшный призрак, постоял, поглядел на Москву, а потом скрылся.

Эффект рассказа бывал не одинаков. Одни бледнели и начинали трястись.

– Не к добру это видение!

– Истинно так: быть беде какой...

Другие – их было меньшинство – скептики, не признающие никаких «дьявольщин», «чертовщины», ухмылялись:

– Басни!

– Да помилуйте...

– Подите вы с этими сказками! Ха-ха-ха, Петр Великий на крыше Сухаревой башни!

– Но ведь видели...

– Кто? Выжившая из ума старуха или какие обыватели? Так ведь! Как вам известно, они договорятся и не до таких еще видений, а до зеленого или белого слона.

– Не верите – как хотите. А только правда это истинная... Как бы то ни было, слухи все усиливались и усиливались, захватывая все больший и больший район Первопрестольной столицы. Эти слухи достигли и ушей власть имущих.

– Что за история? – удивленно развели они руками.

– Да пустяки все. Наша богоспасаемая Москва ведь суеверна и сумасбродна до паразитности. Ей все кометы да многие иные чудеса снятся. Старина-матушка.

...Однако червь сомнения сосал их душу.

– А что, если да и на самом деле? И решили проверить.

Была дивная лунная августовская ночь. Серп месяца заливал ярко-белым светом Первопрестольную красавицу Москву. Она спала. Если и теперь еще, в наше чудодейственное сверхвремя, уличная жизнь ее замирает довольно рано, то тогда Москва ложилась спать едва ли не с курами наравне. Тихи, безлюдны улицы... Белые, серебристые. К Сухаревой башне подходит группа людей.

Она, эта группа, состояла из начальника Московского сыскного отделения, того самого, которому знаменитый Путилин «утер нос» в деле ограбления ризы высокочтимой иконы Иверской Божией матери, и нескольких лиц наружной полиции. – Ну что, полковник, трусите?

Полковник насмешливо поглядел на московского Горона ⁸.

– Я-с, извините, не в таких переделках бывал, да не трусил, а тут чепуха какая-то...

– Кто знает?... – задумчиво произнес другой чин полиции, пристав Д. – На свете возможны всякие чудеса.

– Вы верите и возможность появления привидений.

– Верю. Не угодно ли, какие поразительные вещи проделывает знаменитый Юм, спирит, медиум-чародей в Петербурге на сеансах у графа Кушелева-Безбородко ⁹...

– Вздор!

Но это «вздор» звучало теперь несколько тревожно.

Вот и она, историческая Сухарева башня. Под потоком мертвенно-бледного лунного света она кажется огромно-высоким, белым памятником. Нет мрачности, нет грязного темно-серого цвета.

Шеф сыскной полиции остановился и зорко огляделся по сторонам.

– Видите эти фигуры?

– Да,

– Это, очевидно, любопытные обыватели. Смотрите, что наделала стоустая молва о появлении таинственного привидения: москвичи побросали свои постели.

– Идти дальше?

– Нет. Остановимся за выступом этого дома. Отсюда нам будет отлично все видно, если... если будет что смотреть.

Группа властей разместилась, не отводя взоров от башни. Время тянулось странно медленно.

Острота ожидания усиливалась нетерпением, подкрепленным чувством жуткости, робости.

– Конечно, ничего не будет. Я так и знал, что все это – бабьи рассказы, выдумки, – в голосе полковника слышалось раздражение. – Ей-Богу, господа, спать чертовски хочется!... Не лучше ли по домам?

Но не успел он этого сказать, как услышал сдавленный крик, вырвавшийся одновременно из груди всех его спутников.

– Ах! Что это? Смотрите...

Взглянул полковник на башню, и холодный, ледящий озноб пронизал его.

На крыше, у одной из башенок, стояла высокая фигура страшного загадочного призрака. Фигура была залита лунным светом и вследствие какого-то оптического фокуса приняла грандиозные размеры. «Видение» продолжалось с минуту, а может быть, и более. В том состоянии ужаса, которое цепко охватило всех, определить точно время было трудно...

Первым пришел в себя начальник сыскного отделения.

⁸ [8] М.Ф. Горон (1847 – 1933), глава французской сыскной полиции (в 1877 – 1894 гг.) прославился своей находчивостью и умением разгадывать самые запутанные преступления.

⁹ [9] Очевидно, имеется в виду Г. А. Кушелев-Безбородко (1832 – 1870), литератор, издатель и меценат.

– Видели?

– Да... Да... – слышались испуганные голоса. – Это... это поразительно...

Мимо них пробежало несколько поджидавших любопытных с перекошенными от ужаса лицами. Они промчались так быстро, словно за ними гналась нечистая сила.

Глава II. Обращение к Путилину в Москве

Это время было особенно тяжелым для моего гениального друга. Обилие очень сложных дел разрывало его на части.

И вот в один из вечеров начала сентября, когда я сидел у него, ему подали депешу.

– Ого, какая длинная! И какой важный шифр...

– Откуда?

– Из Москвы.

Путилин стал быстро расшифровывать телеграмму. По мере того, как он читал, лицо его становилось все более и более удивлённым.

– Помилуй Бог, какие чудеса стали твориться в Белокаменной! Текст длиннейшей депеши подходил к концу.

– Ну и история-Тревога в голосе моего друга не звучала.

Я сгорал от любопытства, зная, что с пустяками к нему не обратятся.

– Терзаешься, доктор? – улыбнулся он.

– Что уж тут говорить, И. Д...

– Ну, слушай.

Я весь обратился в слух.

– «Глубокоуважаемый и высокочтимый Иван Дмитриевич! – читал он «с листа» шифрованную телеграмму. – Получилось нечто выходящее из ряда вон по своей загадочности и странности: в Москве появился какой-то призрак...»

Далее шло подробное описание случившегося, вплоть до сцены появления зловещей фигуры на Сухаревой башне.

«Москва начинает не на шутку волноваться. Появляются признаки паники. Сознавая себя побежденным в этом деле, уповаю на ваш блистательный талант, чудесный гений. Если можно вообще разобраться в этой загадочной истории, распутать всю эту абракадабру, то нет сомнения, что единственно вы можете совершить этот подвиг».

Я не мог прийти в себя от изумления.

– Недурно, доктор?

– Это Бог знает, что такое, И. Д.! Да неужели во всей этой истории есть хоть доля правды?

Путилин усмехнулся.

– Отчего бы и не так? Ты ведь сам частенько толковал мне с жаром о материализованных духах.

Он потер руки и добавил:

– Гм... После чисто реальных дел мы опять с тобой вступаем в область мистики, хиромантии, магии, словом, в оккультное царство. Но нет, какова штучка московский коллега!

– Какая штучка? – Да хитрость его.

– В чем хитрость?

– Ты не догадываешься?

– Нет.

– Ах, доктор, ты поразительно недальновиден. Ты знаешь В.?

– Знаю.

– Ты помнишь, как он бесился, когда я раскрыл «иверское дело»?

– Как не помнить...

– Ну, так вот: теперь он хочет дать мне реванш и посрамить «непобедимого» Путилина.

Его обращение ко мне есть обращение саддукея и фарисея¹⁰: авось не разрешит, дескать, вопроса. В случае, если мне не удастся распутать эту загадочную историю, он будет иметь возможность только ликовать: «Видите, и на Путилина бывает проруха».

Гениальный и благороднейший сыщик тихо рассмеялся.

– Так отчего же тебе не отклонить приглашения? Ты ведь не обязан помогать своему московскому коллеге...

Помню, каким огнем загорелись его глаза и с каким удивлением посмотрел он на меня!

– Спасибо за совет. Он странен из твоих уст. Тебе, кажется, пора бы было знать, что я всегда принимаю интересный вызов.

Не в моих правилах отступить пред какой бы то ни было опасностью. Он сел за свой знаменитый письменный стол и написал зашифрованный ответ:

«Советую поторопиться поимкой «Петра Великого» или самозванца, иначе поймаю я. Выезжаю. Путилин».

На московском вокзале нас встретил В.

– Ну, пойман? – были первые слова Путилина. В-аго передернуло.

– Смеяться извольте, дорогой Иван Дмитриевич, а мне-с не до смеху.

– Заели небось высшие? «Подайте, дескать, нам страшного призрака в 24 часа, на то вы начальник сыскальной полиции». Знакомая штука! Утешьтесь, коллега, меня шпыняют таким манером не хуже

вашего.

Мы сели в коляску. Был поздний вечерний час. Погода стояла отвратительная. Дул порывистый холодный ветер, пахнувший осенью-смертью. Моросил мелкий противный дождь. Сквозь эту сетку мрака и дождя тускло светились унылым красновато-желтым светом керосиновые лампы уличных фонарей. Их колеблющееся пламя, робко мигая, наводило тоску.

– Через Сухаревку! – отдал приказ кучеру Путилин. Он молчал, зябко поводя плечами.

Вот и она, виновница волнения Москвы, Сухарева башня. В этой мгле противного осеннего вечера почти не освещенная уличными фонарями она казалась какой-то необычайно странной, неуклюжей громадой.

– Бр... – услышал я восклицание московского шефа сыскальной полиции.

– Вам холодно? – насмешливо спросил его Путилин. – Или... неприятное воспоминание?

– И то, и другое вместе, ваше превосходительство... – ответил тот.

Путилин, когда мы поравнялись с башней, быстро выхватил свой потайной фонарь и направил сильный свет рефлектора на ту башенку, около которой появился загадочный призрак.

– Эта башенка?

– Да, эта, Иван Дмитриевич

...

– Скажите, когда вы увидели привидение на крыше башни, как вы поступили?

Разговор происходил в номере гостиницы «Лоскутной», самой лучшей в Москве.

– Я решил немедленно исследовать внутреннее помещение башни.

¹⁰ [10] Саддукеи и фарисеи – представители религиозно-политического течения в древней Иудее, враждебные Христу. Первые из них отличались фанатизмом и лицемерным исполнением правил благочестия.

- И?
- И ничего, буквально ничего не обнаружил.

Глава III. Приют мышей и сов. Путилин карабкается по стене!

На следующее утро Путилин сделал несколько визитов. Его приезду страшно обрадовались.

– Сделайте милость, почтеннейший Иван Дмитриевич, распутайте это диковинное дело! Освободите Первопрестольную от страшного призрака!

– Постараюсь... – улыбался великий сыщик.

– А как вы полагаете: трудно это?

– Попробуйте! – отшучивался он.

Он заехал за мной вместе с В., и мы втроем отправились в неведомое для меня путешествие.

– Можно узнать, куда мы едем?

– Отчего же нет, доктор! Мы будем осматривать Сухареву башню. Надо же мне взглянуть, что такое там творится.

... С чувством жгучего любопытства подошел я к дверям башни, ведущим в ее таинственное «нутро».

– Где только не приходится мне бывать с тобой, И. Д.! -сказал я Путилину.

– Раскаиваешься или нет? – улынулся он. – Ну-с, позвольте мне ключ!

Он взял огромный ключ и, прежде чем сунуть его в замок, внимательно и удивленно-пристально стал разглядывать последний. Мне показалось, что Путилин даже соскоблил что-то с замка.

С тихим протяжным визгом-стоном раскрылась старая железная дверь. Этот противный визг долго стоял у меня в ушах, отдаваясь тревожно-тоскливо в сердце.

– Ну, пожалуйста, господа! – с дрожью в голосе произнес В. и пошел вперед.

Путилин спокойно захлопнул дверь.

Путилин зажег свой знаменитый потайной фонарь. Это было необходимо, ибо здесь царил почти могильная тьма. Запах страшной сырости, плесени, какого-то тлена, точно в склепе, стоял в воздухе.

Мы стали подниматься по узкой-узкой каменной лестнице. Несколько раз я спотыкался, а раз чуть не упал – из-под ноги вырвался обрушившийся кирпич.

– Какая ветхость!... – пробормотал Путилин.

Скоро наше восхождение окончилось.

Лишь только мы собрались войти в какое-то темное помещение, напоминающее комнату-конуру со сводчатым потолком, как оттуда вылетело что-то большое, черное, чем-то махающее.

– У-у, ха-ха-ха! – прокатился над нашими головами крик-хохот.

Это было до такой степени неожиданно и страшно, что у меня кровь заледенела в жилах, а московский коллега Путилина отшатнулся, едва не упав в пропасть лестницы, и громко вскрикнул.

Один только Путилин, этот человек поразительного хладнокровия, остался невозмутимым. 226

– Не бойтесь, господа: это еще не наш призрак, это почтенные совы. Они устроились здесь премило.

Действительно, лишь только мы вошли в башенную комнату, целая масса крыльев хлопала над нашими головами. К этому неприятному шуму примешивался еще огромный писк и визг стаи крыс, пробежавших мимо наших ног.

– Вот это будет поопаснее и сов и, пожалуй, самого призрака. Эти грызуны могут

разорвать здесь всякого так же, как разорвали они епископа Гадона. Черт возьми, призрак – существо, безусловно, храброе!

Путилин погасил фонарь.

Сквозь оконца башенки врывается тусклый свет.

– Ну-с, приступим к осмотру.

Каменная комната-склеп была абсолютно пуста.

– Что же тут осматривать, Иван Дмитриевич? – слегка насмешливо и удивленно спросил своего знаменитого собрата В.

– Вы думаете: ничего?

В. пожал плечами. Признаюсь, и я разделял его недоумение.

Путилин принялся внимательно осматривать пол и стены. Он вынюхивал, выстукивал каждый камень, каждый кирпич. По своему обыкновению, он что-то тихо бормотал сам про себя.

Зная, что мой гениальный друг никогда ничего не делает зря, без цели, я с любопытством следил за его работой.

– Нет... так... так... гм... тут ли...

Прошло часа полтора, а он все еще не окончил своего странного осмотра. Особенно долго возился он над стеной, на которой довольно высоко виднелось окно.

– Сейчас полезу на крышу! – возбужденно проговорил он.

– Но как же вы отсюда попадете, Иван Дмитриевич?

– А вы не пробовали, коллега?

– Нет.

– А почему я не могу туда попасть?

– Да потому что единственный способ попасть на крышу – через окно. А оно высоко, вы его не достанете. Конечно, можно бы... это остроумное разрешение вопроса, но... но нельзя ли обойтись без этого?...

– Посмотрим, посмотрим...

И вскоре случилось нечто, от чего мы оба: я и В. раскрыли рот.

Путилин карабкался по стене!

Правда, «лезть» пришлось немного, так как окно было расположено не очень высоко, но все же он сделал два перехода по стене.

Концы носков Путилина вошли в какое-то углубление, он ухватился руками за железный стержень, торчащий вершков на пять, приподнялся и попал во второе углубление.

Еще старание – и он достиг окна!

– Bravo! – искренно вырвалось восклицание восторга у завистливого В. – Поистине вы чародей, Иван Дмитриевич! Путилин рассмеялся.

– Благодарю вас, коллега! Но должен сознаться, позиция чертовски неудобная.

Он, так сказать, прилипнув к стене, держась одной рукой за железный болт оконной рамы, другой рукой ощупывал окно.

– Ага! Так я и знал!

– Что такое? – встрепенулся В.

Гениальный сыщик ничего не ответил, а ловко спустился вниз.

– Фу-у! – вырвался у него вздох облегчения. – Однако, коллега, вы заставили меня на старости лет обратиться в акробаты.

– Я ничего не понимаю... – смутился тот.

– Ничего, потом поймете. А пока мне надо бы проехать к вам.

Глава IV. В Московском сыскном

Всю дорогу до сыскного Путилин молчал.

По его лицу я ясно видел, что он упорно-сосредоточенно выводит свою знаменитую

«кривую».

На некоторые вопросы он отвечал невпопад, а некоторыми сам приводил в недоумение своего коллегу.

Так, он вдруг неожиданно спросил В.:

– Вам приходилось когда-нибудь бывать в сумасшедшем доме? В. даже побледнел.

– То есть, как это?

– Ну, конечно, по Делах службы?

– Нет, не бывал.

– А-а... – равнодушно ответил Путилин.

После В. рассказал мне, что он не на шутку подумал, будто гениальный сыщик – вследствие мозгового переутомления – сам спятил с ума. «Вдруг – ни с того ни с сего бац, бац! – и в сумасшедшем доме!»

В служебном кабинете В. Путилин обратился к коллеге:

– У вас, конечно, есть список заявлений об исчезновении лиц-обывателей?

– Конечно, конечно, имеется.

– Так вот, нельзя ли мне его... За последнее время, недельки за две, что ли.

Московские гороны и подгороны заволновались, засуетились.

– Путилин приехал!

– Вот опять утрет нос нашему В-у!

– Ну, положим, дело это загадочнее двух его первых гастролей. Тут не только он, а сам леший ногу сломает...

Как и у всякого начальника, у В-аго были и свои клеветы, обожающие его, и такие, которые по многим причинам недолюбливали, ненавидели его. Первые и вторые одинаково ликовали: первые потому, что надеялись на посрамление «гения» Путилина, а вторые потому, что были убеждены в новой блистательной победе знаменитого гастролера.

В. подал список своему врагу-собрату.

– Вот, не угодно ли...

Путилин углубился в просмотр его.

«Мещанин 33 лет Петр Онуфриев. Из дому... по заявлению жены... в ночь на 25 августа... Ремесло – столяр... Крестьянин Роман Логинов, 27 лет... чернорабочий...» Длинный синодик пропавших, неизвестно куда скрывшихся. Путилин читает вполголоса, бормочет. Около него – карандаш и записная книжка. Ни разу ни до того, ни до другого не дотрагивается рука гениального сыщика.

Какая-то злая, торжествующая улыбка кривит губы В-аго. Глаза иронически смеются.

Опасение за благополучный исход принятого на себя расследования моим другом заползает в мою душу.

«О, как тогда они будут ликовать! – проносится у меня в голове. – Прав был Путилин, когда говорил мне, что его коллега готовит ему ловушку. Дело чертовски темно!»

– Вы думаете что-нибудь почерпнуть здесь? Путилин не отвечает.

Вдруг я заметил, что он быстро заносит что-то в записную книжку.

– Виноват, что вы спрашивали, коллега? Ровно, спокойно звучит голос его.

– Я спрашиваю, глубокоуважаемый Иван Дмитриевич, полагаете ли вы почерпнуть что-либо полезное из этого списка.

Путилин пристально, в упор поглядел на своего завистливого соперника.

– Я все это штудировал, но...

– Но?

– Но не уловил ключа. – Путилин странно усмехнулся. – Странно, что вы противоречите самому себе. Если вы до меня интересовались просмотром списка, вы не удивились бы так искренно, когда я попросил его у вас. По-моему, такое совпадение – немного запоздалое.

Орлиный взор Путилина насмешливо уставился на В.

Тот побагровел.

Путилин встал и холодно бросил коллеге:

– Я не смею больше злоупотреблять вашей любезностью и вашим временем. Оно вам необходимо на текущие неотложные дела.

– Что вы, ваше превосходительство, помилуйте! Располагайте мною...

– Нет, пожалуй, не надо. Я иногда умею действовать только один, без помощников.

И, сухо простившись, Путилин вышел из кабинета. Когда мы отъехали несколько шагов от здания сыскного отделения, Путилин бросил кучеру:

– В Сокольники, в сумасшедший дом!

Глава V. Царство живых мертвецов

Какое жуткое, щемящее чувство охватило нас, когда мы подъехали к унылому, мрачному сумасшедшему дому!

Этот огромный дом был действительно желтый дом.

Чтобы достигнуть ворот, надо было пройти мимо сада, в котором душевнобольные совершали ежедневные прогулки.

Путилин, не боявшийся ничего: ни револьверных пуль, ни бешеных порывов самых закоренелых злодеев, стоящий всегда лицом к лицу к опасностям, испытывал непреодолимый ужас при виде сумасшедших.

Так было и теперь.

При виде нас несчастные живые мертвецы, для которых погас свет разума и мира, устремились к решетке сада, мимо которого мы проходили.

– Король идет! Здравствуйте, ваша светлость!

– Спасите меня! Меня мучают четвертым измерением пятого серпа луны!

– Черт, черт! Тьфу! Тьфу!

Визжат, плюются, хохочут, плачут, протягивают руки то с мольбой, то с угрозами, то с проклятиями. Путилин был бледен как полотно.

– Какой ужас! Какой ужас...

Навстречу нам шел сторож-привратник в мундире с синим воротником.

– Что угодно, господа?

– Видеть директора и старшего врача, голубчик. Держи монету и немедленно беги с карточкой.

Тот, получив мзду и увидев из карточки, что имеет дело с генералом, бросился сломя голову. Моя карточка – доктора – ему мало что говорила.

– Пожалуйте, ваше превосходительство.

... Через несколько минут мы были в кабинете директора и старшего врача московского «желтого» дома.

– Весьма польщен. Прошу покорно... Чем могу служить? Умные, усталые глаза пылливо глядят на нас.

– Вы знаете, профессор, кто я?

– Знаю, господин Путилин. Вы тот, который творит чудеса в области сыска.

– Спасибо на добром слове. А это – мой верный доктор. Я приехал... Впрочем, скажите: вы слышали о фантастическом привидении, пугающем Москву?

– На Сухаревой башне? -Да.

– Слышал. Хотя я живу в особом царстве, весь уйдя в мои печальные обязанности помогать несчастным страдальцам, но я не совсем отрешен и от иного мира. Слухи о каком-то привидении достигли и меня.

– Я приехал раскрыть это дело. Скажите: у вас исчез душевнобольной Николай Петрович Яновский?

– Да.
– Он – отставной офицер, не так ли?
– Да. А вы откуда все это знаете, ваше превосходительство? Директор-профессор с любопытством поглядел на Путилина.

– Это все равно. Впрочем, вы ведь заявили об этом сыскному отделению. Теперь мне гораздо важнее и интереснее узнать от вас характер заболевания вашего бежавшего пациента. Будьте добры, профессор, дать мне точные сведения, какой формой помешательства страдал Яновский.

– Тихий, безнадежный хроник... *Mania grandiosa*, мания величия... отчасти и *mania persecutions*, мания преследования. Да вот *curriculum morbi sui* – история его болезни.

Старший врач и директор страшного «желтого» дома достал толстую тетрадь, испещренную знакомыми пометками, и углубился в нее.

– Доставлен год тому назад теткой. Женат. Жена бросила его, бежала... Сначала был помещен в III отделение как страдающий припадками буйного умопомешательства. Потом улучшение, довольно редкий поворот к улучшению. Надежда на выздоровление. Перевод во II отделение и... переход к неизлечимости.

Директор долго еще продолжал знакомить Путилина с описанием болезни несчастного офицера.

Я не привожу здесь в подробностях всех медицинских определений, так как это неинтересно.

– Вы, профессор, конечно, обращали внимание на особенности проявлений той или иной мании бежавшего Яновского?

– Разумеется.

– Вы помните их?

– Помню. У нас, психиатров, хорошая память.

– Сколько я знаю, – продолжал свой допрос Путилин, – почти все сумасшедшие имеют свою исходную, отправную точку помешательства. Так?

– Так.

– Они проявляют хоть в чем-нибудь свою страсть, свою склонность к тому, о чем порой здоровые мечтали?

– Совершенно верно,

– Так вот, не замечали ли вы в Яновском особой привязанности к чему-либо? Мне это очень важно знать.

Не только я, но и профессор-психиатр с удивлением и искренним восхищением глядели на знаменитого сыщика.

Откуда у него такая красота острого анализа, острого мышления в предмете, для него, очевидно, совершенно чуждом?

– Извольте видеть... – начал директор «желтого» дома. – Яновский, по-видимому, очень сильно увлекался...

– Легендарной историей? – быстро спросил Путилин. Психиатр откинулся на спинку кресла.

– Вы... вы и это знаете?

– Я вывожу свою кривую. Простите, профессор, этого вы, впрочем, не знаете.

– Однако слава о вас идет не даром. Вы – прозорливый, господин Путилин. Ну-с, совершенно верно. Яновский страшно любил рассказывать о легендах. Так, однажды он меня спросил: «Верите ли вы, профессор, в заповедную тайну Жигулевских гор, тех Жигулей, где пировал Стенька Разин со своими удалыми молодцами?» Я ответил то, что подсказывала мне моя наука, мой опыт, мой метод.

– А еще, случайно вам не приходилось слышать от него каких-нибудь легенд?

– Нет, не упомяну.

Путилин встал и протянул директору какой-то крошечный лоскуток.

– Идя к вам, я, преодолевая сильнейший страх, какой питаю к помешанным, внимательно вглядывался в халаты ваших больных. Скажите, профессор, такая материя идет у вас на халаты?

Директор всмотрелся в крошечный лоскуток и уверенно ответил:

– Да. Именно такая.

– Ну, вот и все. Простите, что побеспокоил вас. У вас ведь и так дела много.

Известный психиатр с чувством пожал руку Путилину.

– Я счастлив был познакомиться с таким замечательным человеком, как вы, господин Путилин. Прошу верить, ваше превосходительство, что сегодняшний день останется надолго у меня в памяти.

Путилин стал расспрашивать профессора о наружности Яновского.

Мы вышли из страшного дома.

До нас долетали безумный хохот, стоны, вой, взвизгивания, проклятия.

Глава VI. В поисках телесной оболочки призрака

На обратном пути от сумасшедшего дома Путилин задумчиво сидел в коляске.

– Ты, кажется, можешь быть доволен, Ив. Дм.?

– Почему?

– Сколько я понял, ты напал на след.

– Этого, увы, еще мало, доктор. Мало напасть, надо найти. И потом, для меня неясна одна деталь. Однако попытаемся.

В номере «Лоскутной» нас ожидал В.

– Я заехал узнать, Иван Дмитриевич, не потребуются ли вам мои агенты.

– Спасибо, но в настоящую минуту они мне не нужны. Мне придется воспользоваться их услугами, но несколько позже.

– Вы что-нибудь узнали?

– Ничего.

В. недоверчиво поглядел на Путилина. Разговор перешел на другие темы.

– Скажите, коллега, какие у вас есть в Москве костюмерные заведения-мастерские? – вдруг неожиданно спросил Путилин. – Я, как петербуржец, этого не могу знать...

В., польщенный тем, что Путилин обратился к его, В., помощи, оживился.

– Костюмерная мастерская Пинягина, такая же мастерская Лашеева. Есть еще несколько.

– Это крупнейшие?

– Да.

– Где находится мастерская Пинягина?

– Большая Дмитровка, здание Дворянского собрания.

– А Лашеева?

– Газетный переулок...

– Так, так... Вы ожидайте меня, коллега, под вечер. Может быть, вместе будем работать. ... Зеркальные окна. Вход между колонн – и сразу помещение, производящее впечатление, чрезвычайно любопытное.

Всюду – всевозможнейшие костюмы, сверкающие золотом, серебром. Вот стоит римский воин: блестящие латы, горделивый шлем, короткие штаны, широкий меч и круглый щит. Все это надето на манекен. Пред вами воссоздается картина железного непобедимого воина античного великого Рима. Рядом с «центурионом»-легионером – изящная, изнеженная фигура французского маркиза времен великолепных Людовиков... Там, дальше, – испанские

гранды, венецианские дожи, русские бояре, гугеноты, монахи, пейзажи¹¹ и герцогские мантии. Какая поразительная смесь лиц, эпох, народов! Каски, шлемы, плащи, береты, треуголки, колпаки, кокошники, короны и кики¹², ленты и звезды. Вот вам вся история чуть не с сотворения мира! История наглядная, в море красок одежд. Это знаменитая костюмерная Пинягина.

Когда Путилин вошел туда, то невольно залюбовался. Все блистало, сверкало, поражая зрение гаммой тонов, красок.

– Что вам угодно? – подошел к Путилину полный господин.

– Получить от вас некоторые сведения. Я – Путилин, начальник петербургской сыскной полиции.

Управляющий костюмерной вздрогнул и удивленно поглядел на знаменитого, но и «страшного» гостя.

– Вы-с – Путилин?

– Да, я. Разве вы меня знаете?

– Помилуйте, о вас вся Москва говорила, когда вы хлыстов и скопцов изловили, а после иверских святотатцев.

– Так вот, спросить я вас хочу кое о чем.

– Пожалуйста, пожалуйста сюда! Здесь нам никто не помешает. Они вошли в небольшую комнату, где находились под стеклами бутафорские «драгоценности».

– У вас костюмы петровских времен имеются?

– О! – вырвалось горделиво у управляющего. – У нас есть костюмы всех времен.

– Костюм, например, петровского сержанта или капитана.

– Ну, конечно, господин Путилин!

– Скажите, пожалуйста, вы не можете мне достоверно сказать, продавали вы или же отдавали напрокат за последнее время подобный костюм?

Управляющий на секунду задумался, но потом сейчас же хлопнул себя рукой по лбу.

– Совершенно верно. Отдавал и отдаю напрокат.

– Кому?

– Я сейчас погляжу в книгу.

– Постойте... Я вам опишу приметы его. И Путилин стал описывать их.

– Так... так... – поддакивал управляющий костюмерной.

– Похоже?

– О да! Это он. Нужно вам сказать, что этот господин мне всегда казался большим чудачком. Придет, возьмет напрокат этот костюм, заплатит десять рублей, а наутро обратно его приносит. Теперь время не маскарадное, куда, думаю, ему этот костюм? Раз спросил его: для чего, дескать, он требуется. Господин поглядел на меня странно как-то и ответил: «А вам не все равно?»

– Он брал костюм не каждый день?

– Нет. С перерывами. Дня через два, через три. Я ему опять сказал: да не лучше ли вам купить его? Вы ведь за прокат больше переплатите. Да вот, если вы интересуетесь, господин Путилин, этим человеком, так вы можете его сейчас почти у нас повидать.

– Как так?! – вырвалось у Путилина.

– Он сегодня обещал опять взять костюм. Сейчас должен быть. Прошло с полчаса. Путилин занимался рассматриванием костюмов. Наконец дверь отворилась, и в костюмерную вошел средних лет человек.

¹¹ [11] Ироническое название крестьян, слащаво изображенных в художественной литературе XVIII – нач. XIX вв.

¹² [12] Кика – старинный женский головной убор с «рогами».

– Костюм, мой! – резко бросил он управляющему.
– Пожалуйста, пожалуйста... Сейчас только пуговицу пришью. Отрываются они часто у вас.

Путилин впился взором в странного посетителя. Длинные волосы, по плечи... Бритый подбородок... Густые брови. Для Путилина достаточно было взглянуть только один раз, чтобы сразу определить, что волосы, усы и брови поддельные.

Таинственный незнакомец тут же, в нише за костюмами, стал переодеваться. Поданную ему треуголку он спрятал под длинный черный плащ, в который задрапировался наглухо.

– Вот вам десять рублей! – небрежно швырнул бумажку на конторку. – Завтра утром.

Глаза его горели. Движения были порывисты, суетливы. Он горделиво кивнул головой и вышел из костюмерной.

– Видели? – рванулся к Путилину управляющий. Сильнейшее любопытство, видимо, одолевало его.

– Видел. Спасибо. До свидания.

И Путилин быстро последовал за черным плащом. Управляющий остался с широко раскрытым ртом.

Глава VII. Последний ужас москвичей. Легенда. Борьба на крыше башни

Я сидел и разговаривал с В., который почти все время дежурил в номере Путилина.

– Я убежден, что дело это настолько темное, что раскрыть его не удастся Ивану Дмитриевичу... – говорил он мне.

Путилин быстро вошел в номер как раз при этих словах.

– Если угодно, господа, еще раз посетить Сухареву башню... Мы вскочили.

– Мне надо еще кое-что осмотреть. Торопитесь. Путилин пошел из номера.

Мы бросились за ним следом.

...Опять эта тьма, этот отвратительный спертый воздух; эта страшная лестница; эти кирпичи, обрушивающиеся под ногами.

И опять это хлопанье совиных крыльев, писк разъяренных крыс.

– Для того, господа, чтобы вы мне не мешали в исследованиях, я должен вас спрятать.

Голос Путилина звучал резко, повелительно. Так всегда он говорил накануне генеральных сражений.

Перед входом с лестницы в комнату-склеп башенки находились две ниши: одна – справа, другая – слева.

– Вы, В., будьте добры стать здесь, а ты, доктор, здесь. Прошу вас хранить, господа, полное молчание. Что бы вы ни увидели, что бы ни услышали, будьте немые, как рыбы.

– А где же вы сами будете, Иван Дмитриевич? – спросил начальник московских сыщиков.

– Тут же, около вас.

Наступила мертвая тишина. Еле заметная полоска лунного света тускло пробивалась через оконце башенки. Обманутые вновь наступившим безмолвием, совы и крысы ворвались в свое мрачное жилище. Сколько времени прошло – я не знаю. Но вдруг протяжный скрип-стон достигнул наших ушей. Я вздрогнул, насторожился, замер. По лестнице кто-то поднимался. Слышалось прерывистое, взволнованное дыхание и тихое бормотание.

– Я здесь опять... здесь мое царство...

Говоря откровенно, я чувствовал себя далеко не спокойно. Я слышал, как билось тревожно-пугливое мое сердце. Около меня, совсем сдавив меня, стоял Путилин. Большая черная фигура быстро прошла мимо нас. Невольно я схватил Путилина за руку.

– Тсс!... – еле слышно прошептал он. Блеснул слабый огонек крошечного фонаря.

Высокий призрак снял с себя плащ-мантию.

Путилин слегка отодвинулся от меня, стараясь ближе придвинуться к комнате-склепу. А то, что там происходило, было действительно странно, необычайно, казалось какой-то грезой, каким-то кошмаром, больной фантазией. Посередине пола на коленях стояла высокая фигура призрака – офицера петровских времен! Он вынимал кирпич за кирпичом и теперь уже громко говорил, говорил... Великий боже, как он говорил! Это был безумный, восторженно-экзальтированный крик, то плачущий, то хохочущий:

Знаю я башню, знаю одну,
Клад вековечный в ней я найду!
Камень за камнем стану снимать,
Клад драгоценный в недрах искать.

Уныло-страшно звучал плачущий напев...

– Найду, найду! Я постиг, я разгадал тебя, Сухарева башня! Я узнал твою заповедную тайну... Ха-ха-ха... Они меня считают безумцем! О проклятые, слепые палачи! Я говорил им, что здесь, в этой вот башне, зарыт клад... Жигули, ай Жигули! Сухаревка, ай Сухаревка!

Безумный человек вскочил. Он хохотал, размахивая руками.

– Я царствую здесь! Эй, совы, крысы, вы мои верные друзья, ко мне на помощь! Прогрызите скорее вашими острыми зубами последние камни, откройте мне клад заповедной башни!...

Машут крыльями совы, злобно визжат крысы.

– И там яхонты, самоцветы, жемчуга белопенны. О-го-го-го!...

Сверлит нож, выбрасывая искры, старые камни старой башни... А безумный голос покрывает шум совиных крыльев, писк крыс, сверлящий звук ножа.

– Был красавец один офицер молодой, офицер молодой, офицер удалой. Полюбил он красавицу всею душой, всею душой до доски гробовой! Поженились они... А уж скоро жена – изменила, проклятая, мужу она!...

Прежде чем с «милым» своим убежала,
Мужа обкрала и здесь зарывала.
После хотела сокровища взять,
Чтоб с любовником вволю гулять.

Поет страшный призрак. Нудно, жалостливо... Холодный пот выступил у меня на лбу. Вдруг «призрак» выпрямился, насторожился. Чего он испугался? Уличный шум еле слышно донесся сюда в эту старую дряхлую башню.

– А-а?! Караулят меня? Не хотят, чтобы я достал заповедный клад? О, подлецы, я вас перехитрю! Я покажусь вам, как страшный грозный призрак, стерегущий склепы, башни. Вы побледнеете, вы затрясетесь от ужаса! Ха-ха-ха-ха!... Я спасу мое сокровище от вашего нашествия!

Высокий призрак, «Петр Великий», бросился к стене. Он продолжал петь безумным голосом свою песню:

Но муж обманутый не дал гулять:
В башне, ах, ночью, стал поджидать.
Деньги найду я, что скрыла жена,
И надо мною будет качаться она.

– Наверху, на болту... Повешу, повешу! – И с обезьяньей ловкостью, точно сомнамбула, призрак стал карабкаться по стене.

Минута – и он достиг окна. Вскрабкался – и через окно выскочил на крышу.

– Ну, теперь пора! – возбужденно проговорил Путилин, выходя из своей засады.

Я еле переводил дух. В. был в таком же состоянии, что и я.

– Видели вашего страшного призрака, коллега? – насмешливо обратился Путилин к В.

– Вы бог сыска, дорогой Иван Дмитриевич! – заплетающимся языком пробормотал тот.

Путилин пошел к стене.

– Ради Бога, И. Д., да неужели ты хочешь лезть за ним? – воскликнул я, страшась за участь моего гениального друга.

– Как видишь... – усмехнулся Путилин и вскрабкался на стену.

– Но ведь это – безумный риск, Иван Дмитриевич! – поддержал меня В. – Мало ли что может случиться там, на крыше?...

– Что бы ни случилось, я не имею права оставлять безумца на такой огромной высоте. Спускайтесь вниз, голубчик. Берите тех людей, которых я оставил в проезде башни, захватывайте лестницу и сейчас же идите все сюда. Лестницу поставьте у окна. На верхней ступеньке пусть стоит кто-нибудь, в случае, если понадобится подать мне помощь и взять «призрака».

Путилин полез по стене и, подобно страшному «духу» Сухаревой башни, быстро выскочил из окна.

Ночь была на редкость светлая, лунная.

И вот тут-то случилось то, что повергло людей в еще больший ужас.

Теперь они увидели на башне не одного, а двух призраков!

Тот, первый призрак, офицер – «Петр Великий», стоял, держась одной рукой о крышу башенки, а другой – подбоченясь. Поза была вызывающе-горделивая. Бледное лицо с безумно горящими глазами кривила страшная усмешка.

– А, проклятые?! Я, я перед вами! – шептал призрак.

Но второй призрак был в диковину. Он стоял за выступом башенки. Весь в черном, с седыми бакенбардами.

– Господи... Господи, сохрани, помилуй!... – в ужасе шептали москвичи, случайные зрители страшного видения.

Нога Путилина поскользнулась. Этот легкий шум был услышан «Петром Великим». Он порывисто обернулся и на одно мгновение как бы застыл, замер. Но это было именно только одно мгновение. В ту же секунду яростный вопль бешенства вырвался из груди безумного человека.

– А-а?! Пришел?! Нашел?! Подкараулил?! Ты, злодей, отнявший у меня жену... клад?! Я... я рассчитаюсь с тобой...

И он бросился на Путилина, полный бешенства, ярости. Путилин, сохраняя все свое хладнокровие, вступил в борьбу. Внизу на площади шел испуганный рев голосов.

– Смотрите, смотрите на башню! Что там делается! Что там делается!

А делалось там действительно нечто страшное: два «призрака», крепко сцепившись, боролись не на живот, а на смерть.

«Петр Великий» стремился сбросить с крыши Путилина.

– Ко мне! На помощь! – прогремел голос изнемогавшего от непосильной борьбы с обезумевшим человеком Путилина.

По лестнице уже карабкались люди во главе с В. И вовремя: еще секунда – и Путилина не стало бы.

Все бросились по скользкой крыше к борющимся и оттащили сумасшедшего, крепко связав его веревками.

– Га-а-а!... – хрипло вылетали у него бешеные выкрики.

Триумф Путилина был полный.

– Как вы дошли до ключа, И. Д.? – спрашивали мы все великого сыщика.

– По своей кривой, друзья мои. Когда я услышал о привидении на Сухаревой башне, мне

вспомнилась легенда о том, что в башне зарыт клад. Осмотр подтвердил мое предположение: в полу и в стене были раскопки. Вопрос был только в том, кто его домогается. Из числа исчезнувших я остановился на сумасшедшем Яновском. Здоровый человек не стал бы прибегать к такому маскараду. Остальное вы знаете. Большая фантазия помешанною переплела чистую легенду о зарытом кладе с собственной трагедией.

ПОХИТИТЕЛИ НЕВЕСТ

Глава I. Богатая свадьба

В Энской столичной церкви заканчивались спешные приготовления к богатому венчанию. Одни служители расстилали нарядный, но уже значительно потертый ковер, другие устанавливали аналой, осматривали паникадило, люстры, смахивали пыль, что-то чистили тряпками.

– Старайся, Егор, сегодня, кажись, нам хорошо перепадет! – вполголоса говорил один сторож другому.

– Нешто очень уж богатые?

– Чего богаче: миллионы венчаться будут.

– Как так миллионы? – глупо переспросил служитель.

– А так: невеста – первейшая богачиха, единственная дочка купца первой гильдии Сметанина, жених – тоже страшный богач будет, сын купца Русанова. Вот и выходит, что миллионы на миллионы пойдут!

– Ой ли!

– Дурак, правду говорю.

Это известие окрылило Егора. Мысль о щедрых чаевых утроила его старание, и он с каким-то зверским удовольствием плевал на тряпку и обтирал ею перила и карнизы иконостасов.

На клиросе – справа и слева – уже толпились певчие в парадном одеянии.

Регент особенно суетился и волновался.

– Вы, Колюченко, кажется, опять уже того? Успели уж! Насвистались? Эх, что с вами и делать!... Сегодня ведь трудный концерт предстоит...

В голосе регента слышалась укоризна.

– Не беспокойтесь, Иван Елпамидонтович, как известно вам, октаве необходимо подкрепление. Какая же мыслима октава без водки! Конфуз один выйдет... А я вот как гряну: «Гря-а-ди, гряди, голубица-а-а!...»

И он грянул действительно так, что у регента выпал из рук камертон, а долговязый сторож вздрогнул и чуть не изрек ругательство.

– Эх ведь, как его пробирает!

Тенора, дисканты, альты пробовали «верхи» по тону.

В церкви были уже и батюшка, и отец диакон.

– Хорошая свадьба! – убежденно крякал отец диакон,

– Душеспасительная... – соглашался батюшка.

Кое-кто из публики, толпившейся около церкви, проник во внутренность ее.

Это поставило в тупик церковный причт.

– Как отнестись к сему? Пускать народ, жадный до таких зрелищ, в церковь или не пускать?

– Распоряжений особых не было... Стало быть – можно... – решил батюшка. – Как в храм Божий не пускать публику?

– Эх! – злобно и сокрушенно ворчали сторожа, взирая на «любопытных», наполняющих храм. – И что это они прутся?

– Ну, вы, почтенные, не лезьте, не толпитесь, не закрывайте проход... Не для вас, чай, ковер разостлали! Становитесь в сторонку!

– Известно дело, не для нас... Где нам на бархатных коврах стоять... – шипели достославные «цикорки», обожающие лицемерие богатых венчаний. – А храм-то, чай, не для одних-то толстосумов...

– Ну, ну, ладна... Не прохлаждайтесь, а, пожалуйста, в сторонку! – окрысивались сторожа.

В церковь уже начали съезжаться приглашенные на церемонию венчания. То и дело подкатывали экипажи, все – собственные, из которых выходили представители и представительницы именитого петербургского купечества, разодетые в шелка, бархаты, сверкающие массой драгоценных камней.

– Гляди... гляди... Ишь, как сияет!... – доносилось из толпы.

– Чего им не сиять при эдаких деньжищах...

– А что, жених-то еще не приехал, миленькие?

– Нет. Сейчас, должно, прибудет... А ты что: перехватить его у невесты хочешь, тетка?

В толпе, запрудившей собою место перед церковью, паперть и сени ее, прокатывается здоровый, веселый смех.

– Тьфу, тьфу! – плюется, негодует «тетка». – Во-первых, какая я тебе тетка, а потом от живого мужа нешто можно за другого выходить?

– А небось хотела бы за такого миллионщика пойти? – не унимается досужий балагур-зубоскал. – Эх, жалко, что ты замужняя: беспременно влюбился бы в тебя жених.

Кругом смех усиливается... «Тетка» в пылу благородного негодования и оскорбленной гордости начинает уже ругаться.

– Господа! Потише, без безобразий! – решительно изрекает будочник, следящий за порядком перед церковью. – Потеснитесь! Не прите!

Экипажи, привезшие своих богатых владельцев, отъезжали в сторону.

Сквозь узкий проход между двух стен толпы-публики проходила нарядная вереница свадебных гостей.

Церковный староста, видя, что любопытных прибывает все более и более, крикнул сторожам:

– Протяните канаты! Живо, живо!

– Па-а-ди! Берегись! – доносились громкие, жирные окрики чудовищно толстых кучеров.

– Ах, милушки, уж не жених ли?

– И то как будто...

– Чего вы врите, какой это жених...

Шумит, волнуется, жужжит, судачит и злословит толпа.

– Едет! Едет! – прокатилось в ней волной. Действительно, из роскошной кареты вышел жених, окруженный шегольскими шаферами под руку с посаженным отцом.

– Ах, молодой, красивый!... – заволновалась толпа.

– И такой миллионщик!...

В церкви уже зажжены люстры, паникадило, вся она сверкает морем огня. Блеск свечей переливается радужным светом в бриллиантах нарядных дам и девиц богатого купеческого царства.

Теперь началось ожидание невесты. Любопытство и нетерпение толпы достигло крайнего напряжения.

Глава II. Прерванное венчание. Невеста с усами. Ее похищение

Почти одновременно к церкви подъехали две кареты, запряженные дивными рысаками. Из первой кареты вышла невеста, окруженная «подругами», вторая карета отъехала в

сторону.

Те, кто ожидал прибытия невесты, чтобы посмотреть, какова она, были жестоко разочарованы: из-за плотного шелкового тюля-газа фаты лица совсем не было видно. К тому же невеста не отнимала от лица кружевного платка.

– Что это она так закрылась?

– Стыдитесь, может...

– Да чего ей стыдиться-то? Говорят, красавица писаная. Сопутствуемая посаженной матерью, рыхлой купчихой в богатейшем наряде, невеста вошла в храм.

Навстречу ей спешил жених, кудрявый молодой человек во фраке с глупой бараньей физиономией.

– Дорогая... – тихо шепнул он ей.

– Гря-а-ди, гряди, голубица! – грянул хор приветственный концерт.

На одну секунду невеста остановилась, вздрогнула, словно страхась идти дальше, но потом, очевидно, взяв себя в руки, она – под руку с женихом – направилась к аналою.

– Что это она платок держит у лица? Плачет, что ли?

– А как же не плакать: последний девичий денек, чай.

Сотни глаз, жадных, любопытных, устремлены на пару, которую сейчас будут венчать.

Священник, мягко, ласково улыбаясь, встречает жениха и невесту, устанавливает их у аналая. Шафера занимают свои места за женихом и невестой. Заливаются тенора, гудит октава.

«Гря-а-ди, гряди, голубица...»

– Как она волнуется!

– Зато как ликующе весел и победоносен жених!

Венчание началось.

Но не успел еще священник произнести несколько слов, как вдруг церковь огласилась безумно-страшным криком жениха:

– Ай! Господи, что это?

Храм вздрогнул. Все, как один человек, направили свои взоры на венчающихся, и то, что они увидели, заставило и их испустить возгласы, полные не меньшего страха:

– Глядите! Глядите! Что это такое?

Невеста стояла, откинув с лица венчальную фату.

– Усы! Мужчина!

Батюшка отшатнулся. Жених окаменел.

На лице невесты красовались весьма изрядные усы!

– Что это... кто это? – бормотал жених, бледный как полотно, с выпученными глазами.

– Что такое? Что случилось?

– Мужчина... усы... невесту подменили...

Пользуясь общей паникой, вернее, общим оцепенением, невеста с усами быстро направилась к выходу.

В «сенях» храма к ней бросилась высокая мужская фигура, закутанная в широкий плащ, и схватила невесту на руки.

– Скорее! Моя! Моя! – прозвучал громкий, ликующий голос. Все, как бараны, шарахнулись в сторону.

Держа невесту на руках, похититель выскочил на паперть, сбежал по ступенькам и крикнул:

– Семен, давай!

Карета лихо подкатила и, когда в ней скрылся похититель со своей добычей, быстро понеслась и скрылась за углом следующей улицы.

– Держи! Держи! – раздался чей-то испуганный крик.

То, что произошло затем в церкви и перед ней, не поддается описанию.

Когда миг столбняка, овладевшего всеми, прошел, начались сцены, сделавшие бы честь любой трескучей мелодраме.

– Что же это такое? – дрожащим голосом спросил донельзя пораженный священник, обращаясь к жениху, которого уже окружала толпа родственников и знакомых, как его, так и его невесты.

Тот бессмысленно хватался руками за голову.

– Ничего... ничего не понимаю... не знаю.

И бросился вдруг к посаженной матери невесты.

– Как же это так? Кого вы привезли?!

За ним наступал и его посаженный отец:

– Стыд! Позор! Бесчестие! Кого вы привезли, матушка?

– Как кого? Глашеньку Сметанину... – лепетала обезумевшая от всего происшедшего посаженная мать.

– Это с усами-то?... Это у Глашеньки в одну ночь усы выросли?! Да это бунт, заговор.

Купчиха, посаженная мать, сомлела и опрокинулась навзничь.

Ее подхватили. Это еще более усилило общую панику.

– К родителям невесты!

– Дать знать полиции!

– Вот так история! Невесту с усами выкрали!

Жених ломал в отчаянии руки и громко плакал. Его утешали шафера, родственники, знакомые.

– Да в чем дело? Как же так могло это произойти? Таких чудес еще не бывало!

– А я почему знаю, я откуда знаю? – захлебывался злосчастный жених с бараньим лицом. – Осрамили, ославили!...

– Да откуда же у нее усы выросли?

– Наваждение... Дьявольское наваждение и искушение. Может, это и не невеста, а оборотень?

– Так зачем же этого оборотня стали похищать?

– Скандал! Скандал! На какую свадьбу нас пригласили?

– Н-да... можно сказать: красивенькая история!... Батюшка уныло смотрел на диакона.

– Тридцать пять лет священствую, а такого чуда не видывал... – сокрушенно бормотал он.

– Что говорить: «душеспасительная» свадьба, отец Александр, как вы соизволили ее назвать... – насмешливо отвечал диакон.

На клиросе шло не меньшее волнение.

– Вот так «голубица»! – ужасной октавой гремел бас. – У этой голубицы усы чуть-чуть поменьше моих. А еще регент говорил: и зачем это вы, Колюченко, насосались винищем? А ежели я предчувствовал, может, сие церковное поношение? А? Иван Елпамидонтович, как же вы полагаете: прав был я или нет, взявши подкрепление загодя?

Регент только руками разводил.

– Ну-ну... Пропала мзда за концертное пение... Живо обсуждали происшедшее и перед церковью.

– Невесту украли! Вот так фунт изюму с кисточкой!

– Слышь, паря: у невесты под венцом усы выросли!

– Ври больше...

– А ей-Богу! Усы – во какие!

– А как это он ее ловко, братцы, слямзил! Молодчина!

– Это по-нашенски: орел!

– Матушки! Святители! – шамкала какая-то ветхая старушка с костылем. – Неужто правда? А где ж у ней, у поганой, усы-то выросли?

– На губе, бабушка, на губе!... – с хохотом отвечали ей голоса зубоскалов.

Паника росла, увеличивалась.

К вечеру весь Петербург кричал о необыкновенном приключении с венчанием двух отпрысков известнейших миллионеров-купцов. Стоустая молва, конечно, разукрасила все это, и многие невесты-девицы со страхом бросались к зеркалу:

– Господи помилуй, уж не выросли ли и у меня усы?

Глава III. «Отыщите невесту, господин Путилин!». Новое похищение

Я сидел у Путилина в его служебном кабинете, беседуя с ним о необычайном происшествии, имевшем место в Энской церкви. Было около 9 часов вечера.

– Хочешь держать пари, доктор, что они явятся ко мне? – улыбаясь, задал мне вопрос мой талантливый друг.

– Кто «они», И. Д.?

– Ну, потерпевшие, конечно... Честное слово, если бы я был на их месте, я сделал бы это!

– Ты говоришь о трагическом венчании? Путилин улыбнулся еще шире.

– Трагическом... Ах, мой скверный доктор, как ты любишь сгущать краски. По-моему, тут гораздо более налицо комического, чем трагического.

– Но ведь это – необычайно, как хочешь...

– Совершенно верно. И наперед тебе скажу; дело это очень трудное, но... но не мрачное.

– Что ты за удивительный человек, И. Д.! – искренно-восторженно вырвалось у меня. – Неужели ты уже сейчас что-нибудь проводишь?

В дверь кабинета раздался стук.

– Ваше превосходительство, вас желают видеть...

– Господа Русановы? – спокойно спросил великий сыщик.

– Да-с... – удивленно ответил дежурный агент.

– Пусть идут.

В кабинет вошли два посетителя, один – уже старик, красивый, важный, упитанный, другой – молодой человек в пиджаке, с глупым, бараньим лицом.

– Господа Русановы? – обратился к вошедшим Путилин.

– Да-с, ваше превосходительство... – ответил старик.

– Прошу покорно. По делу неудачного венчания? Миллионер Русанов-отец удивленно вскинул глазами.

– А вы... вы уже знаете?...

– Я, голубчик, начальник сыскальной полиции, поэтому я все должен знать.

И, повернувшись к молодому человеку, неудачливому жениху, шутливо проговорил:

– Эх, молодой человек, молодой человек! Нехорошо: из рук невесту выпустили! Проворонили!...

Молодой Русанов густо покраснел, с досадой мотая кудрявой бараньей головой.

– Как же-с... помилуйте...

– Усов испугались? Подумаешь, какая невидаль!

– Как, ваше превосходительство?! – в голос воскликнули они оба. – Как? Вы находите неувидительным, что у девушки вдруг под венцом выросли большие усы?!

– Совершенно верно: ровно ничего удивительного не вижу в этом... – бесстрастно, с улыбкой ответил мой гениальный друг.

Оба Русанова в сильнейшем изумлении уставились на Путилина. Каюсь. Я сам с не меньшим удивлением поглядел на него. «Что он говорит?» – пронеслось у меня в голове.

– Усы у девушки?!

– Усы у девушки.

– Вы как это: всерьез или в шутку, ваше превосходительство? В голосе

старика-миллионера послышалась досада.

– Я не имею обыкновения шутить, любезный господин Русанов. Ну-с, в чем дело? Невеста вашего сына, дочь купца первой гильдии Аглая Сметанина действительно исчезла? Вы, конечно, из церкви бросились в дом ее родителей, и что узнали от отца и матери?

– Да-с, поехали туда... С самой дурно сделалось... Отец – волосы рвет на голове. А узнали мы, что дочь их, Аглая, невеста моего сына, отбыла, честь честью, с подружками и с посаженной матерью в карете в церковь. А вот, что дальше произошло, – это так непостижимо...

– Усов у вашей невесты не было? – повернулся Путилин к жениху.

– Что вы-с... Помилуйте... да ежели бы у нее были усы – разве я предложил бы ей руку и сердце? Слава Богу, мы и безусых девиц, при нашем капитале, найдем сколько угодно...

Фигура и физиономия молодого Русанова были настолько потешны, что я не выдержал и расхохотался.

– Кому-с – смех, кому – слезы... – недовольно пробурчал старик-миллионер.

– Простите, я вовсе не смеюсь над вами... но, согласитесь, такое необыкновенное приключение... – смешался я.

– Итак, невеста вашего сына бесследно исчезла? И вы желаете...

– Чтобы вы, ваше превосходительство, помогли нашему горю, распутали эту необыкновенную историю.

– Вы никаких особых подозрений не имеете? Старик-миллионер взглянул на сына.

– Ты как, Васенька: ничего не примечал? А? Васенька отрицательно покачал головой.

– Ничего-с особенного-с...

– Она была влюблена в вас, ваша невеста?

– Как-с сказать-с... Девицы конфузятся высказывать свои чувства...

В дверь кабинета раздался стук.

– Входите! – крикнул Путилин.

В кабинет бомбой влетела толстая купчиха, расфранченная, но в съехавшей набок шляпе.

За ней еле поспевал помощник Путилина.

– Ваше превосходительство! Ваше превосходительство!... – завопила она.

– Ради Бога? Что такое, что случилось? – попятился мой талантливый друг.

– Украли! Украли! Выкрали!...

– Что украли? Да вы успокойтесь, сударыня, придите в себя, объясните толком...

– Как я приду в себя, когда я из себя вон вышла? – еще больше завопила купчиха, бросаясь в кресло.

– В чем дело, Виноградов?

– Почти одинаковый случай... сейчас у г-жи Сосипатровой исчезла дочь-невеста. Выкрадена из кареты во время следования к венцу в церковь Спаса.

– Что? – привскочил даже старик Русанов. – Слава те, Господи!

Радость, ликование послышались в голосе миллионера. Он даже перекрестился широким, размашистым крестом.

Это неожиданное восклицание привело в ярость прибывшую купчиху.

Она бросилась, как разъяренная тигрица, к Русанову:

– Как? – взвизгнула она. – Что это вы сказали, батюшка? Слава Богу? Это – слава Богу, что у меня дочь из-под венца похитили?! Да как вы, старый пес...

– Именно, слава Богу: потому, значит, не я один в конфузе, что у моего сына невесту украли... – с чувством удовлетворенного купеческого самолюбия произнес Русанов.

Путилину пришлось вмешаться, дабы предотвратить сцену грубой перебранки взволнованных родителей.

– Что произошло?

– А то, господин начальник, что когда ехала карета с моей дочерью-невестой, вдруг

поравнялась с ней другая. Не успели опомниться посаженная мать и шаферицы, как дверца той проклятой кареты распахнулась, в нашу карету впрыгнул злодей, и, схватив на руки мою дочь, исчез...

– С кем должна была венчаться ваша дочь?

– С откупщиком К-вым... – вспыхнула купчиха.

– Хорошо, господа, я сделаю все, что могу, чтобы раскрыть похитителей ваших невест.

Когда мы остались одни, Путилин шутливо спросил меня:

– Скажи, доктор, медицина не знает таких случаев, когда у барышень вдруг моментально вырастают усы?

– До сих пор, мой друг, таких чудес не бывало.

– Однако, видишь: они, эти чудеса, существуют... Путилин погрузился в продолжительное раздумье.

– Помилуй Бог, забавный случай!... – оживленно вырвалось у него.

– Ты считаешь это дело серьезным?

– В каком смысле смотря. Если насчет крови-убийства – этого в данных случаях не имеется, но сами по себе похищения совершены ловко, и, может быть, не так-то легко будет их раскрыть.

Глава VI. Начало «кривой» Путилина

В доме Сметанина, отца невесты с усами, нас встретили не особенно приветливо.

«Сама» заболела, слегла в постель, а «сам», темнее тучи, рвал и метал, рыча аки лев...

– Вот дочку вашу хочу попытаться разыскать, любезный господин Сметанин... – проговорил Путилин.

– Чувствительно благодарен, а только можно бы и без этого обойтись... – угрюмо ответил старый купец.

– Как?! Вы не хотите отыскать свою дочь?

– Совершенно верно: особого желания не имею.

– Почему же?

– А потому, ваше превосходительство, куда же она годится после такого сраму? На всю столицу ославилась и фамилию мою обесчестила.

– Ну, какое тут бесчестие... – утешил «миллионщика» Путилин. – Меня вот Русанов-старик просил отыскать невесту его сына – вашу дочь.

– Да ну? Неужто? Значит, не вполне прогневался? В голосе Сметанина послышалась радость.

– Да ведь я бы и вам рекомендовал подождать гневаться на исчезнувшую дочь. А что, если в этой необыкновенной оказии скрывается преступление?

Купец побледнел.

– А именно?

– А то, что вашу дочь могла похитить какая-нибудь банда негодяев. Знаете ли вы, что произошло почти одновременно с исчезновением вашей дочери?

И он поведал ошеломленному миллионеру о похищении дочери-невесты купчихи Сосипатровой.

– И у нее! Что же... что же это такое, ваше превосходительство?...

– А вот это-то и надо расследовать.

– Явите такую милость! Вовеки благодарен буду.

– Где комната вашей дочери? Укажите мне. Надо ее осмотреть.

Сметанин провел нас анфиладой комнат, убранных с поражающей купеческой роскошью.

– Вот ее комнаты, ваше превосходительство.

Они, как и все «жилые» помещения тогдашнего купечества, были меблированы очень просто.

На диване, на стульях, на креслах – всюду в беспорядке валялись различные принадлежности женского туалета.

– С момента одевания к венцу вашей дочери эта комната не прибиралась? – спросил Путилин.

– Нет. До того ли было? Это страшное известие как громом поразило нас всех...

– Вы не помните, в каком платье была ваша дочь до венчального наряда?

Сметанин руками развел.

– Ей-Богу, не упомяну. Все из головы вышибло!...

– Скажите: кто прислуживает вашей дочери?

– Девушка, Паша.

– Она, то есть ваша дочь, хорошо к ней относится? Любит ее?

– О да! Дочь моя – не гордячка, добрая, приветливая, так уж воспитана.

– Пригласите эту девушку сюда.

Через несколько минут перед нами стояла хорошенькая девушка с бойким, плутоватым лицом, несколько смущенным.

– Вы слышали, милая, какое несчастье приключилось с вашей барышней? Ее похитили из-под венца.

– Да-с, слышала... – не подымая глаз, пролепетала она.

– Вам жалко барышни?

На миг в лукавых глазенках горничной промелькнул какой-то еле уловимый огонек.

– Очень-с...

– А она ведь нашлась! – вдруг быстро выпалил Путилин.

– Да неужто? – отпрянула девушка.

Странное дело: в этом возгласе послышалось больше испуга, чем радости.

Путилин усмехнулся.

– Ну-с, милая, а теперь покажите, в каком платье была ваша барышня до одевания в подвенечный наряд. В этом?

И он взял с кресла тонкое батистовое платье.

– Ах нет, не в этом! Позвольте мне это... я уберу... тут такой беспорядок... – в сильном смущении залепетала горничная.

– Теперь можете идти! – властно приказал Путилин. Еще растерянный взгляд – и она ушла.

В платье Путилин отыскивал карман.

– Помилуй Бог, чего только не приходится делать! – шутливо бросил он нам.

Через несколько секунд в его руках находилась розовая бумажка. Он подошел к окну и углубился в чтение.

– Вы что-то нашли, кажется, ваше пр-во?... – спросил Сметанин.

– Так пустяки... А вот вы лучше скажите мне: ваша дочь шла под венец с Русановым не по любви?

– Как сказать... она плакала, просила пообождать со свадьбою, но перед моей волей смирилась. У нас, в купечестве, еще, слава Богу, дети отцов слушаются...

– И... пропадают, как пропала ваша дочь? – насмешливо бросил Путилин.

Миллионера-купца передернуло.

– Так что, любезный господин Сметанин, дочь вашу я поищу и, быть может, найду, но что она не будет женой Русанова – в этом могу поручиться вам.

– Это-с почему?

- Потому. Пока прощайте. Лишь только что узнаю, скажу вам.
- Путилин сухо попрощался с хозяином дома, и мы уехали. Сидя в коляске, Путилин раздраженно заметил:
 - Экие мастодонты каменного века! Сами калечат жизнь, счастье своих детей, и сами же первые поют Лазаря.
 - Ты что-нибудь узнал, И. Д.?
 - Только то, что я и предполагал. Но где находится эта красавица Глашенька, я не знаю, доктор.
 - А как же с делом Сосипатровой?
 - '– Видишь ли: если моя кривая не обманет меня в этом деле, то она вполне приложима и к похищению сей купеческой дочери. Решив первое уравнение, мы быстро и легко решим и второе.

Глава V. Необычайное ночное путешествие

- Около двенадцати часов ночи я услышал знакомый звонок.
- «Неужто Иван Дмитриевич? – радостно подумал я. – Верно, случилось что-нибудь новое, экстренное».
- Не успел я выскочить из спальни, смежной с моим приемным кабинетом, как в него вошел, громко звеня шпорами и пристукивая саблей, гусарский полковник.
- Я попятился даже.
- Что вам угодно? – в чрезвычайном удивлении спросил я.
 - Попросить вас, господин доктор, немедленно одеваться, чтобы следовать вместе со мной.
 - С нами крестная сила! – Голос Путилина, моего талантливого друга!
 - Иван Дмитриевич, да неужто это ты?! Путилин – это был он – громко расхохотался.
 - Что, удивлен? Таким меня еще никогда не видел?
 - Черт знает, что такое... Ты, кажется, твердо решил сводить меня с ума своими сюрпризами...
 - Однако, живо, живо! Нам нельзя терять времени, доктор! Мы должны ехать.
 - Куда?
 - Далеко. В Колпино.
 - Что? В Колпино? Сейчас? Ночью? Зачем? Да сейчас уже и поезда нет.
- Моему изумлению не было границ.
- Когда ты только избавишься от своей постоянной привычки засыпать меня вопросами?
- А относительно того, как мы доберемся туда, не беспокойся: нас ожидает лихая тройка.
- Через несколько минут мы находились уже в коляске.
- Ну, Николай, валяй лихо! – возбужденно крикнул кучеру мой друг.
- По интонации голоса его я понял, что Путилин находится в том отличном состоянии духа, какое у него всегда бывает, когда он напал на верный след.
- Признаюсь, сильное любопытство разбирало меня.
- «Что за история? Зачем мы ночью катим в Колпино?»
- Но, наученный горьким опытом, я знал, что все расспросы бесполезны до тех пор, пока мой гениальный друг не сочтет нужным сам объясниться.
- Я только кряхтел, ожесточенно куря сигару.
- Любопытно? – спросил вдруг Путилин, лукаво поглядывая на меня.
 - Ничуть... – с притворным равнодушием ответил я.
 - Ой, врешь, доктор! – тихо рассмеялся он. – Вижу потому, как ты дымишь сигарой...
- Признайся, что моя форма тебя смущает.
- Отчасти... если хочешь...

– С чего, дескать, Иван Дмитриевич обратился в гусарского полковника? Правда?

– Правда.

– Ну, так знай, что я тебе еще не такой сюрприз приготовил.

– Ого!

– Знаешь ли ты, куда и зачем мы едем?

– Понятия не имею, за исключением того, что мы едем в Колпино.

– Мы... – Путилин сделал паузу. – Мы едем с тобой в церковь венчаться.

Как ни был я искушен всевозможными трюками гениального сыщика, я не поверил своим ушам.

– Что такое? Венчаться? Мы с тобой?!

– Венчаться. Мы с тобой. Вот в этом чемодане и твой подвенечный наряд.

Я не мог выговорить ни слова от изумления.

– Ты шутишь?

– Нимало... – ответил Путилин, раскрывая чемодан и вынимая из него белое платье, белые туфли, фату, флердоранж. – Помилуй Бог, если в фешенебельной петербургской церкви могли венчаться купеческая дочь с гусарскими усами, то почему в скромной колпинской церкви не может случиться такая же оказия? Прошу покорно, доктор, скинуть с себя все, что полагается, и облечься в наряд невинной голубицы.

– Иван Дмитриевич, не рехнулся ли ты?! – воскликнул я. Путилин передернул плечами.

– Честное слово, доктор, ты заставляешь меня сожалеть, что вместо тебя я не взял с собою мою агентшу, твою знакомую по делам «Квазимодо» и «Калиостро». Но я хотел доставить тебе удовольствие... Ну, ну, мой старый друг, облачайся. Ты не рискуешь простудиться, так как ночь на редкость тепла. Я помогу тебе...

И... не прошло и пяти минут, как рядом с Путилиным сидела невеста, не скажу, чтобы очень изящная, так как она была – ваш покорный слуга, доктор медицины.

– Скорей! Поторапливай, Николай! – покрикивал на кучера Путилин.

Мы ехали по шоссе, тянувшемуся параллельно полотну железной дороги, очень быстро. Верстовые столбы мелькали. Душная июньская ночь, когда еще заря с зарей сходится, кончалась. Вот-вот – и должно было появиться солнце во всем своем сверкающем великолепии.

– Что же я должен делать?... – обратился я к моему «жениху».

– Молчать. Больше ничего. Остальное предоставь мне, – невозмутимо ответил Путилин.

Вот из-за леса уже брызнули первые лучи восходящего солнца. Мы подъехали к Колпино.

Глава VI. В гостях у колпинского священника

Колпино в то время было совсем маленьким, глухим посадом, с церковью, с небольшими деревянными домишками, пользовавшимся далеко не лестной репутацией.

Несколько раз там были обнаружены тайные притоны фальшивомонетчиков, воров-рецидивистов и даже убийц. Когда мы въехали в него, он спал еще, этот посад. Ни души, ни звука. Даже собаки не лаяли.

– К дому священника, около церкви! – отдал Путилин приказание кучеру.

«Святители! Да никак И. Д. на самом деле думает о венчании?» – с изумлением подумал я.

Мы проехали несколькими узкими улицами – если только эти закоулки между домишками можно так назвать – и остановились около одноэтажного деревянного домика, потонувшего в зелени сада.

– Ну-с, вот мы и приехали... – пробормотал мой талантливый друг. – Теперь прошу тебя опустить вуаль, особенно тщательно закутать ею лицо и не произносить ни слова.

Он вылез из коляски.

– А я?

– Пока погоди.

Подойдя к высокому крылечку и поднявшись по ступеням его, Путилин постучал в дверь.

Из сада донесся неистовый лай собаки.

– Кто там? – раздался из-за двери недовольный женский голос.

– К батюшке приехали... – ответил Путилин.

– Да кто вы будете?

– Отворите, тогда увидите.

– Как бы не так! А если вы разбойники?

– А вы сами кто будете? – со смехом в голосе спросил Путилин.

– Я-с матушка, попадья.

– Так вы вот что, матушка, пойдите к вашему супругу... Он спит?

– Почивает...

– Будите его скорей, скажите, что из Петербурга гусар приехал с барышней... Он знает, по какому делу...

Но будить матушке батюшку не пришлось. Очевидно, он или кого-нибудь поджидал, или же сон его был очень чуток. Дверь распахнулась.

– Иди, иди! Не твоего ума тут дело... – бросил старый-престарый священник своей попадье.

Та, однако, терзаемая, по-видимому, злейшим любопытством, выглянула и всплеснула руками.

– Военный! Невеста! Батюшки святы! И быстро скрылась.

На лице священника, вышедшего в одном подряснике, изобразилось некоторое удивление при виде Путилина.

– Ну, вот, батюшка, доставил вам невесту. Позвольте представиться: однополчанин моего друга, полковник Путилин.

– Весьма приятно-с... Польщен честью. Изволили сказать: Путилин? Не родственник нашему замечательному начальнику сыскной полиции Ивану Дмитриевичу Путилину, проникновенно раскрывающему самые тщательные дела? Путилин усмехнулся.

– Нет-с, батюшка, не состою в родстве.

Я, несмотря на все мое необычайное положение в роли и костюме невесты, еле удержался от смеха.

– Простите уж великодушно, что стою перед вами в столь неприглядном виде... – пробормотал престарелый иерей. – А скажите, пожалуйста, какую же из двух невест изволили вы привезти?

– Как которую из двух? – в сильнейшем изумлении вырвалось у Путилина.

На этот раз в голосе моего друга я ясно различил нотки не притворного, а искреннего удивления.

«Что все это означает?» – пронеслось у меня в голове.

– Так-с, ведь сейчас двух будем окручивать... – улыбнулся престарелый иерей.

Путилин провел рукой по лбу (этот жест он всегда употреблял, когда его что-либо сильно озадачивало) и вдруг громко рассмеялся.

– Невесту первого, обратившегося к вам, батюшка!

Хохот Путилина был настолько заразительно веселым, что батюшка и сам тихо рассмеялся.

– Девицу Сметанину, значит? Ах, бедокуры, вы, бедокуры! Эдакие вы фортели выкидываете! Нагорит мне здорово за ваши гусарские проделки...

Путилин расхохотался еще пуще.

– Однако, батюшка, я думаю, что коляску следовало бы ввести во двор... Неравно, кто увидит... хоть и рано еще, всего четвертый час в начале, а вдруг кто проснется.

– Верно, верно... – смущенно залепетал иерей. – А невестушка?
– Я ее сейчас высажу, и мы подождем вас здесь, у крылечка.
– А в горницы? Милости просим, в горницы...
– Нет, не беспокойтесь... Мой друг ведь говорил вам, когда мы приедем? Когда назначено венчание?
– Да часов в пять утра, а может, и раньше. Они, ведь как вам известно, вместе приедут...
– Да, да... Но он просил меня прямо привести невесту в церковь. Уж вы будьте добры, батюшка, одевайтесь скорее... Времени терять нельзя...
– Да, да... сейчас... сию минуту... Ах, Господи...
Путилин подошел ко мне, помог мне высадиться из коляски и накинул на меня шинель.
– Въезжай в ворота! – отдал он приказ кучеру. – Сейчас их откроют.
– Иван Дмитриевич, голубчик, хоть одно слово... В чем дело?
– Я знал одно, но не ожидал другого. Помилуй Бог, вот неожиданность, погонишься за одним зайцем – поймаешь двух.
Вскоре ворота раскрылись. Коляска въехала туда. На пороге домика появился священник с таким же дряхлым стариком в подряснике.
– А это пономарь – псаломщик мой. Пожалуйста!...

Глава VII. В церкви, в ожидании свадебного поезда

– Ну, Кузя, отворяй с Богом!
«Кузя», которому было лет за семьдесят, отпер большой замок на железной двери, раскрыл ее, и мы вошли во внутренность церкви.
Миром, покоем, святой тишиной повеяло на нас.
Церковь была маленькая, бедная. Тут не сверкали золотом и драгоценными камнями скромные ризы икон, тут не было нарядных ковров, серебряных паникадил... Но зато тут была масса воздуха, света.
Лучи солнца врывались через окна и заливали храм золотыми потоками.
– Ну, Кузя, приготовляй... – обратился к псаломщику батюшка.
Путилин посмотрел на часы.
– Да, теперь надо скоро ожидать.
– Мне-то недолго облачиться... Скажите, барышня, вы конечно, по доброй воле идете под венец? – вдруг обратился старенький священник ко мне.
Я, твердо памятуя приказание моего друга, молчал.
– Вы не удивляйтесь, батюшка, что невеста молчит... – Сами понимаете: волнение... тревога... утомление... А только Сметанина идет, безусловно, по доброй воле. Да, впрочем, кто же таким романтическим образом, уводом, венчается не по любви?...
– Это вы точно сказали, господин полковник... – мягко, тихо рассмеялся старый батюшка. – А вы, извините, как полагаете, почему я решился на такое венчание?
– Чрезвычайно добро и любезно с вашей стороны... хотя и рискованно... – пробормотал Путилин.
– Вы, может, полагаете, что я на деньги польстился? Нет, полковник, из-за денег я не пошел бы на это дело. А вот случай был со мной один в моей долгой священнической службе.
Лицо симпатичного иерея омрачилось.
– Какой же случай, батюшка?
– А такой, извольте видеть. Вот как бы теперь, к примеру сказать, обратился ко мне один молодой человек. «Повенчайте, – говорит, – ради Бога, нас батюшка, без бумаг невесты. Свадьба, – говорит, – уводом. Мы любим друг друга, а родители невесту мою за другого прочат». Я наотрез отказался. Ни за что, говорю, нипочем! Он аж в слезы. «Что ж, – говорит, – нам делать? Так взять ее жить – только ославишь, сраму предашь; ждатель – за другого волоком потащат в церковь. С деньгами да с бумагами в порядке кто же не окрутит?» Так я и отказался.

Ушел мой бедный молодой человек, а через неделю я в газете прочитал, что он застрелился. Поверите ли, оторопь, жуть, тоска взяла меня. Мой, думаю, ведь это грех. Повенчай я их, ничего бы этого не случилось. Долго мучился я и тогда же решил, что ежели ко мне когда кто иной еще обратится с такой же просьбой, уважить сию просьбу, обвенчать. И вот-с, спустя столько-то лет случай и выходит с вашими знакомыми. Я-с даже обрадовался: грех старый сниму с души. А денег мне не надо: нам со старухой моей, попадьею, жить немного осталось, хватит...

Путилин, человек чрезвычайно добрый, чувствительный, был растроган рассказом старого священника и с чувством пожал ему руку.

– Вот какие светлые личности попадают среди духовенства, – бросил он мне. – Позвольте, я слышу топот лошадей. Кажется, едут.

– И то, и то!... – засуетился симпатичный батюшка. – Что ж, встречу бедокуров!

И с этими словами он засеменял старческими ногами к выходу из храма.

Глава VIII. Три невесты и... два жениха

Путилин, схватив меня за руку, потянул назад, шепнув: – Тут вот выступ притвора... Спрячемся здесь. Любопытно послушать их объяснение. Играть уж комедию – так до конца!

Не прошло нескольких секунд, как послышались шаги, звон шпор, раздался голоса:

– Ну, батюшка, вот и мы!

И вслед за этим веселым, звучным мужским голосом раздался трясущийся, вздрагивающий голос батюшки:

– Позвольте, а кто же эта вот девица в подвенечном уборе?

– Как кто? Моя невеста, батюшка! – удивленно воскликнул другой мужской голос.

– Как-с, ваша невеста? – заикнулся старый священник.

– Очень просто: моя невеста. Да что с вами, батюшка?

– Позвольте, сколько же невест-то всего? Три, значит? Голос священника дрожал. В нем слышались не только изумление, но и испуг.

– Как три? Откуда вы взяли третью? Вот моя невеста, вот невеста моего приятеля. Вы простите меня, батюшка, я вас не понимаю.

В голосе офицера звенело несказанное удивление.

– Нет-с, вы уж дозвоьте мне вас не понять! – взволнованно проговорил престарелый иерей. – Я еще по милости Божией из ума не выжил и до трех считать не разучился, и трех невест на двух женихах повенчать никак не могу-с...

– Il est devenu fou! Он сошел с ума! – с отчаянием в голосе воскликнул по-французски один из прибывших.

– Эта невеста – раз, та невеста – два, а эта девица – уже три. Как ни считайте, выходит три.

– Да какая та невеста?... О ком вы говорите? – звякнули шпоры.

– Та-с, которая приехала сейчас с вашим приятелем. Ваша невеста.

– Что?! Что такое?! Моя невеста приехала с моим приятелем?! Да вы... вы, извините, с ума сошли, батюшка! Вот моя невеста, она стоит перед нами.

– Коля, ради Бога, что это значит? – послышался испуганный женский голос.

– Да, с вашим приятелем, Путилиным... Девица Сметанина... – продолжал батюшка.

– С Путилиным?! – послышались испуганные возгласы.

– Да-с.

. – С каким Путилиным?

– С полковником гусарским...

– Нет, батюшка, вы ошибаетесь: не с гусарским полковником, а с начальником с.-петербургской сыскной полиции! – громко проговорил Путилин, выходя из-за прикрытия.

Его внезапное появление было подобно неожиданному удару грома. Громкий крик

испуга и изумления вырвался из четырех уст: двух офицеров гусарского полка и двух барышень в подвенечных нарядах.

– Ах! – прокатился и замер под высокими церковными сводами этот крик.

Барышни пошатнулись и, наверное бы, упали, если бы их не подхватили офицеры. Бедняжка священник остолбенел и замер.

Первым опомнился высокий, стройный офицер. Он сделал шаг по направлению к Путилину и гневно крикнул:

– Что это за мистификация, что это за маскарад? Кто вы, милостивый государь, и по какому праву одеты в этот мундир?

– Кто я – вы уже слышали: начальник сыскной полиции Путилин, а по какому праву я в мундире, я не обязан вам давать ответа. Я имею право наряжаться так, как мне угодно для пользы дела. А вот мне было бы интересно знать, по какому праву вы изволили облачиться в какой-то плащ, ворваться в церковь и похитить невесту... с усами? – отчеканил гениальный сыщик. Офицер растерялся, опешил.

– Так как вы предпочитаете невест с усами, господин Неведомский, то я и захватил для вас такую.

С этими словами Путилин вывел меня за руку и сорвал вуаль с моего лица, которое в эту трагическую минуту было, по всей вероятности, в высокой степени глупо.

– Рекомендую: девица Сметанина, ваша невеста с усами и даже с бородой!

Раздался новый крик испуга и изумления. Батюшка, взглянув на меня, затрясся.

– Свят, свят, свят! – дрожащим голосом вырвалось у него. Нет слов описать выражение лиц нашей странной группы, того

столбняка, который овладел всеми, за исключением меня и Путилина.

– Ну-с, господа, что же мы будем теперь делать? Как мне прикажете поступить со всеми вами? По закону я могу вас не арестовывать, – обратился Путилин к офицерам, – так как это – дело вашего военного начальства... Но ваших невест я обязан арестовать вследствие заявления их родителей.

Обе невесты плакали.

– И вы это сделаете? – вырвалось у обоих офицеров-женихов.

– Я обязан.

– Честное слово, мы этого не допустим!

– Вы окажете сопротивление? Но не забывайте, господа, что это уже явится тяжким преступлением, за которое вас по головке не погладят.

Взбешенные офицеры были белее полотна. И вдруг, к моему глубокому удивлению, Путилин громко и весело расхохотался.

– Вы еще смеетесь?! – рванулся один из женихов, Неведом с кий.

– Ну да! И знаете, почему? Потому что я нашел счастливый выход для всех вас.

– Какой?

– У вас шаферов нет?

– Вы продолжаете издеваться, господин Путилин?

– Я вас спрашиваю: у вас шаферов нет?

– Нет.

– Ну, так вот позвольте нам с доктором заменить их вам. Живо к аналою, господа, живо! Батюшка, пожалуйста!

– Как-с? Венчать?! – пролепетал не могущий все еще прийти в себя священник.

– Господин Путилин! Да неужто? Вы не шутите?! Правда? Оба офицера радостно бросились к Путилину и схватили его руки.

– Да что же с вами поделаешь теперь? Не везде ведь найдется такой добрый, милый батюшка... Бог с вами, валяйте, но только помните, что о моем шаферстве – ни гугу, а то мне нагорит.

Оба офицера душили моего благородного друга в своих медвежьих объятиях.

– Спасибо вам! Ах, дорогой господин Путилин! Голубчик!...
– Ну, ну, довольно, хорошо! Пустите... А знаете ли вы, что из-за вас Путилин первый раз в своей жизни оскандалился.

– Как так?

– Очень просто. Родителям ваших невест я обещал разыскать сих барышень и вернуть их им.

– Да вы ведь и разыскали! – радостно-возбужденно ответил офицер.

– Разыскать-то разыскал, да вернуть-то уж их я не смогу. Теперь – это уж ваше дело будет.

И вот через несколько минут у аналоя началось необычайное венчание первой пары: шафером был Путилин, выследивший и накрывший «преступников-похитителей»!

Так же повенчали и вторую пару.

После венчания Путилина окружили и пристали к нему с расспросами.

– Иван Дмитриевич, дорогой, как это вы унюхали?

– По обстановке решил сразу, что похищение – романического свойства, по дерзкой смелости и отваге предполагалось, что сделано это людьми военными. У вас, молодая моя красавица, в кармане вашей юбочки записку нашел. Ах, какая вы неосторожная барынька! Разве можно такие записки не уничтожать? Ай-ай-ай!

Путилин вынул розовый листок бумаги и прочел: «Голубка моя! Посылаю тебе наши гусарские усы. Другого выхода нет, следят за тобой так, что выкрасть тебя можно только из церкви. Поступи, как я тебя учил. Пробудешь немного у меня, потом поедем в Кол. Священник согласился. Целую тебя, твой Владимир Н.»

– Ах! – закрыла лицо руками «молодая».

– Ну-с, имея в руках сие, остальное узнать было не так трудно... – весело смеялся Путилин. – А вот вас тут захватить еще я не ожидал... – обратился он к другой повенчанной паре. – Я пока выследить успел только ваших -рузей, а на вас еще точил зубы.

ПОЦЕЛУЙ БРОНЗОВОЙ ДЕВЫ

Глава I. Бурная исповедь

Скромный служитель алтаря приветствует вас, сын мой. Исповедь – великое дело... – ласково проговорил тучный, упитанный настоятель-ксендз... N-ского варшавского костела, когда перед ним за исповедательными ширмами предстала высокая, стройная фигура молодого красавца графа Болеслава Ржевусского, сына местного магната. – Облегчите свою душу чистосердечным покаянием.

– Я прихожу к вам, отец мой, в последний раз... – несколько неуверенно начал молодой граф.

– Почему в последний раз?

– Потому что я люблю и скоро собираюсь жениться.

– Но разве женатые не исповедуются, сын мой? – удивленно вырвалось у служителя католической церкви.

– Вы не дали мне докончить. Я люблю русскую, я собираюсь жениться на православной. Лицо ксендза как-то сразу потемнело и сделалось угрюмо-суровым.

– Что ж... – усмехнулся он. – Таких случаев, к прискорбию, немало... Это – дело вкуса и известного влечения. Но, конечно, вы сами будете пребывать в лоне святой католической церкви?

Молодой граф отрицательно покачал головой.

– Нет... – твердо произнес он.

– Как?! Вы...

Ксендз-исповедник даже отшатнулся, отпрянул от молодого человека.

– Я перехожу в православие. Родители моей невесты ставят непременным условием нашего брака мой переход из католичества в православие.

– И вы? – сурово, гневно спросил один из верных слуг ордена Игнатия Лойолы ¹³.

– И я принял это условие.

Какие-то хриплые звуки вырвались из груди духовника-иезуита.

– Я... я не верю своим ушам... Я не хочу, не могу этому верить, вы шутите...

– На исповеди не шутят, отец мой... – серьезно ответил молодой граф.

– Вы, вы – единственный отпрыск высокочтимого рода Ржевусских, самых пламенных и верующих католиков, переходите в иную, чужую веру?

– Чужая вера? Что это за странное определение, отец мой? Разве Бог – не один и тот же? Разве есть специально православный Христос и специально католический Христос.

– Не смешивайте Господа с церковью! – гневно прошептал исповедник.

– Я вот именно и не смешиваю, это делаете вы, разделившие Христа на разные алтари разных церквей... – в тон ему ответил взволнованно граф.

– Берегитесь! Вы богохульствуете.

Глаза фанатика-ксендза загорелись бешеным огнем.

– Я? Вы ошибаетесь. Если бы я переходил в магометанство или в иудейство – я мог бы понять взрыв вашего негодования, вашей духовной скорби. Но я перехожу в ту веру, которая высоко чтит Бога Христа. Что же это вас так устрашает, отец мой?

– Вы переходите в веру тех, которые являются врагами нашего народа, ваших отцов, матерей, сестер и братьев.

– Позвольте, отец мой, вы затрагиваете уже ту область, которая менее всего может касаться вопроса веры, религии: вы переходите на политику. Но разве это уместно здесь, в храме, на исповеди, перед святым Распятием? Или католическое духовенство отлично совмещает в себе служение политическим интригам со служением Богу?

Лицо ксендза стало багрово-красным.

– Еще раз повторяю вам: берегитесь! Вы начинаете издеваться над священнослужителями католической церкви. Вы с ума сошли! О, я узнаю в этом проклятое влияние православных изуверов... Сколько вы получили наставлений от их попов?...

– Мне стыдно за вас, отец мой... – отчеканил молодой граф. – Вы – слуга Милосердного Бога – позволяете себе предавать проклятию в святом месте таких же правочерных христиан, таких же христианских священнослужителей, как и вы сами.

– О, подлый орден Игнатия Лойолы живуч! Вы – оптом и в розницу торгующие Богом – вы остаетесь верны проклятому, вовсе не христианскому, завету: «Цель оправдывает средства». И вы, славшие людей на костер *ad majorem Dei gloriam* (для вящей славы Бога), действительно не брезгуете никакими средствами. Я не ребенок, отец мой... Мне отлично известны проделки католического духовенства, менее всего думающего о догмах христианского евангелия. Прощайте. Я ухожу отсюда примиренным с Богом, но не с вами.

И, поклонившись, граф повернулся, чтобы выйти из исповедальни. Секунду ксендз-исповедник стоял пораженный, словно оглушенный... Потом он вздрогнул и резко крикнул:

– Стойте, граф! Я вас предупреждаю, что сегодня же я сообщу об этом вашему отцу. Посмотрим, как отнесется он к вашему ренегатству.

– Вы сообщите? Но разве духовник имеет право рассказывать кому бы то ни было о том, что ему говорилось на духу?

– Для спасения погибающей души... для торжества церкви... – залепетал ксендз-иезуит.

¹³ [13] Т. е. ордена иезуитов. Игнатия Лойола (1491? – 1556) был его основателем.

Молодой граф рассмеялся.

– Ну, разве я не прав, когда только что сказал, что у вас – «цель оправдывает средства»? Вы вот готовы быть клятвопреступником, дабы выслужиться перед вашим орденом, а заодно... и перед знатным, богатым магнатом.

– Погодите, стойте! – иступленно схватил за руку графа верный прислужник католической церкви. – Я умоляю вас именем Бога отказаться от этого безумного решения!

– Нет! – резко ответил Ржевусский.

– Но вы забываете одно, что Бог иногда очень сурово карает вероотступников. Знаете ли вы это, безумец? – свистящим шепотом пронеслось по исповедальне.

Глаза ксендза сверкали. Что-то молчаливо-угрожающее было видно в этом сверкании, было слышно в этом шепоте.

– А-а... – отшатнулся от него молодой граф. – Я вас понимаю, святой отец: вы грозите мне мезтью не Бога, а мезтью его служителей? Что ж, я и этого не боюсь... Работайте, старайтесь, но не забывайте, что теперь – не средние века, что ужасы святой Инквизиции отошли в область мрачных, отвратительных преданий. Прощайте!...

Глава II. «Спасите графа!»

Перед Путилиным в его служебном кабинете сидел посетитель с дорожной сумкой через плечо. Это был красивый, молодежавый старик, очень симпатичный, с манерами старого барина былых годов.

– Сколько же прошло уже дней, как исчез молодой граф, господин Ракитин? – спросил посетителя Путилин.

– Около недели.

– А почему вы полагаете, что он исчез?

– Потому что никогда не бывало, чтобы он не являлся так долго к нам. В последнее время, когда он попросил у меня руки моей единственной дочери и сделался ее женихом, он приезжал к нам ежедневно.

– Скажите, пожалуйста, господин Ракитин, а в замке графа Ржевусского, его отца, вы не узнавали о молодом человеке?

– Нет, господин Путилин. Вот уже несколько месяцев, как мы прекратили знакомство домами.

– Для пользы дела мне необходимо знать причину этого разрыва.

– О, это не составляет ни тайны, ни секрета... Причиной окончательного разрыва послужил резкий спор о России и «Крулевстве Польском». Граф Сигизмунд Ржевусский, гордый, надменный магнат, высказал такую непримиримую ненависть ко всему русскому, что меня взорвало. Мы расстались врагами.

– Предполагаемый брак его сына с вашей дочерью, конечно, не мог встретить согласия и сочувствия старого графа?

– Безусловно. Я говорил об этом Болеславу, на что он ответил, что личное счастье ему дороже вздорных прихотей его отца.

– Вы не знаете, он имел все-таки объяснение по этому поводу с отцом?

– Не знаю. До последнего дня нашего свидания он ничего не говорил об этом.

– Не можете ли вы рассказать мне что-нибудь о вашем последнем свидании с молодым графом?

– Он приехал к нам к обеду. Как и всегда, был бесконечно нежен с моей дочуркой, но я заметил, что он находится в несколько приподнятом состоянии духа.

– Ого, он был взволнован? Вы не спрашивали его о причинах?

– Он сам со смехом бросил вскользь, что его страшно разозлил духовник.

– По какому случаю он виделся с ним?

– Он отправился на исповедь. Затем, уезжая, он сказал мне, что ему хотелось бы

ускорить свадьбу, обещал приехать на другой день, но – увы! – с тех пор мы его более не видели. Мы в отчаянии, дорогой господин Путилин. Горе моей девчурки не поддается описанию. Она все время твердит, что с ним, наверно, случилось какое-нибудь несчастье. Откровенно говоря, у меня самого являются тревожные мысли.

– Скажите: старый граф любит своего сына?

– Безусловно. Но, как однажды с горечью вырвалось у молодого человека, старый надменный магнат любит не его душу, не его сердце, а в кем – самого себя. Он, Болеслав, в глазах отца – единственный продолжатель «знаменитого» рода Ржевусских, его блестящий представитель, тот, кем можно гордиться. Если вы знакомы с поразительной спесью польских магнатов, с их фанатизмом, вам будет ясна и понятна любовь старого графа к своему сыну. И вот я решил обратиться к вам. Вы, только вы один, господин Путилин, можете пролить свет на это загадочное исчезновение бедного молодого человека, которого я люблю, как родного сына. Спасите его!

Путилин сидел в глубокой задумчивости. Какая-то тревожная мысль пробежала по его симпатичному, характерному лицу.

– Не правда ли, ваше превосходительство, вы не откажете нам с дочуркой в этой горячей просьбе?

Путилин поднял голову.

– Я нахожусь в очень щекотливом положении, господин Ракитин: вмешиваться официально в это дело мне не только неудобно, но я даже не имею права. У меня нет никаких данных для подобного вмешательства. Во-первых, заявление об исчезновении молодого графа должно исходить от отца, а не от частного лица, каким в данном случае являетесь вы; а во-вторых... в Варшаве имеется своя сыскная полиция.

– Значит, вы отказываетесь? – с отчаянием в голосе воскликнул старый барин.

Путилин опять задумался.

– Ну ладно, хорошо. Я попытаюсь. Ваше дело меня очень заинтересовало.

– Слава Богу! Как мне благодарить вас... – рванулся Ракитин к Путилину.

Глава III. Путилин в Варшаве. В замке старого магната

Всю дорогу до Варшавы мы ехали в отдельном купе 1-го класса, Путилин не спал.

Он был окружен целым рядом толстых фолиантов.

– Pater noster! Qui est in Coelum... Credo in aeternam vitam ¹⁴... – бормотал великий, благороднейший сыщик.

– Что это, И. Д., никак ты на старости лет за изучение латыни принялся? – спрашивал я в сильном изумлении.

– Спи, спи, доктор! – невозмутимо отвечал он.

Вот и гордая, пышная столица бывшего Польского Крулевства. Мы приехали в Варшаву в те достопамятные дни, когда она глухо волновалась.

В роскошном номере Центрального отеля, где мы остановились, Путилин принялся спешно переодеваться. Он облачился в безукоризненный длинный черный сюртук, надел крупный орден.

– Что значит этот парад, И. Д.? – спросил я не без удивления.

– Я еду сейчас с визитом.

В великолепной – с белыми колоннами – зале граф Ржевусский заставил очень долго ждать себя. Наконец послышались шаги, в зал вошел старый магнат. Не подавая руки и слегка лишь наклонив полуседую гордую голову, он холодно спросил:

¹⁴ [14] Отче наш! Иже еси на небесах... Верую в жизнь вечную (лат.)

– Чем обязан видеть у себя пана... пана Путилина? – Он поднес визитную карточку Путилина к самому своему носу, обидно-небрежно вчитываясь в то, что на ней стояло.

– Сейчас я буду иметь удовольствие объяснить пану... пану Ржевусскому цель моего визита... – ответил ему в тон «пан» Путилин.

Это простое «пану Ржевусскому» вместо «пану-графу», по-видимому, было равносильно для старого магната удару хлыста. Огоньки гнева вспыхнули в его глазах. Голова надменно откинулась назад.

– Я не знаю «пана Ржевусского», я знаю графа Ржевусского... – резко проговорил он с сильным акцентом.

– Равно как я не знаю «пана Путилина», а знаю его превосходительство господина Путилина, начальника петербургской сыскной полиции, – насмешливо ответил ему Путилин.

– Попрошу вас ближе к цели. Что вам угодно?

– Прежде всего – сесть. Не знаю, как принято в Варшаве, но у нас в Петербурге я это любезно предоставляю каждому из моих посетителей-гостей.

Магнат побагровел от неловкости и гнева.

– Прошу вас... – сделал он величественный жест рукой, точно феодальный герцог, принимающий своего ленного вассала ¹⁵.

– Изволите ли видеть, граф, возвращаясь из-за границы и очутившись в Варшаве, я случайно узнал об исчезновении вашего сына, молодого графа Болеслава Ржевусского... – начал Путилин, не сводя пристального взгляда с лица старого магната.

– Случайно? Должен сознаться, что случайность играет большую роль в вашей профессии... – саркастически прервал его граф.

– Вы правы: в деле раскрытия массы преступлений и поимке многих негодяев случай – могущественный пособник правосудию.

– Ну-с?

– Узнав об этом, я решил проверить справедливость этих слухов и с этой целью явился к вам.

– Попрошу извинить меня, но... для чего?

– Для того, чтобы предложить вам свои услуги, раз эти слухи справедливы.

Путилин чувствовал на своем лице острый, пронизывающий взгляд надменного магната.

– Могу я узнать, ваше превосходительство, откуда до вас донесся слух об исчезновении моего сына, графа Болеслава Ржевусского.

– Случайно в зале первого класса вокзала до меня долетели обрывки разговора компании молодых людей, принадлежащих, по-видимому, к лучшему обществу Варшавы.

– Попрошу извинить пана... pardon! генерала, но мне было бы любопытно узнать, отчего вы так заинтересованы участью пропавшего, как вы говорите, графа – моего сына.

– Если вам угодно, я скажу вам совершенно откровенно. Очень еще недавно судьба привела меня спасти от смертельной опасности исчезнувшего таинственным образом сына петербургского миллионера-купца Вахрушинского.

– Я знаю этот ваш блестящий розыск... – почему-то очень взволнованно проговорил старый граф.

– Тем лучше. Так вот, услышав об исчезновении вашего сына, у меня мелькнула мысль: а что, если и в данном случае мы имеем дело с каким-нибудь тайным преступлением? Я поспешил приехать к вам, граф, и, признаюсь, ожидал с вашей стороны более любезного и сердечного приема. Попрошу вас не забывать, что я действую совершенно бескорыстно.

Старый магнат взволнованно приподнялся с золоченого кресла и стал нервно ходить по залу. Видимо, какая-то упорная, глухая борьба происходила в душе этого гордого, надменного

¹⁵ [15] Так в Западной Европе в эпоху феодализма называли вассалов, которые получали от сеньора (на условии несения службы) земельное владение или какой-либо другой источник дохода.

человека. Моментами он останавливался, словно хотел подойти и что-то сказать своему непрошеному гостю, но то, что боролось в нем, противилось этому. Путилин сидел бесстрастно-спокойный, скрестив руки на груди.

Вдруг старый граф круто остановился перед Путилиным и хрипло произнес:

– Да, мой сын, мой единственный сын действительно исчез бесследно вот уже девять дней...

– И вы не тревожитесь этим исчезновением, граф? Горький смех, в котором зазвенели сарказм, гнев, обида, тревога, пронесся по роскошной зале замка старую магната.

– А будь вы кто хотите: пан генерал, черт или святой, а я вам скажу, что не тревожусь, особенно потому, что я знаю, где находится мой сын!

Граф хрустнул пальцами.

– Вы... вы знаете, где находится ваш сын? – Путилин даже привстал в сильнейшем изумлении.

– Да. Лучше, чем кто-либо, лучше, чем сыскная полиция всего мира.

– Вы простите меня, граф, но, ради Бога, почему же вы не пытаетесь отыскать его, вызволить из того плена, куда он попал по неосторожности или же по неосмотрительности? Еще раз повторяю: мои, может быть, непрошено-нескромные вопросы продиктованы только чувством искреннего желания помочь вашей беде.

– Га! – бурно вырвалось у старого Ржевусского. – Вы спрашиваете: почему я не делаю попытки спасти моего сына, мою гордость, мою единственную утеху в жизни. Извольте, я вам скажу тоже откровенно: потому что это – бесполезно, потому что этого плена сам желал и добивался мой сын.

– Я вас не понимаю, граф... – искренно вырвалось у Путилина. Жилы напряглись на шее и висках старого магната.

– Его сгубила проклятая любовь! Исчезновение Болеслава – дело рук проклятых Ракитиных.

– Что?! – переспросил Путилин. Он провел рукой по лбу, словно стараясь привести свои мысли в порядок.

Граф Ржевусский с удивлением поглядел на него.

– Что с вами?

– Вы... вы даете мне честное, благородное слово графа Ржевусского, что все, что вы сказали сейчас, – святая правда?...

– Я никогда не лгал! – гордо ответил один из варшавских феодалов.

– В таком случае... я боюсь, что ваш сын действительно или уже погиб, или на краю гибели.

– Во имя Пречистой Девы, что означают ваши слова?! Вы что-нибудь знаете?

Как изменилось это холодное, надменное лицо! Сколько чисто отцовской любви и страха засветилось в глазах!...

– Знаю. Слушайте, граф.

И Путилин шаг за шагом начал рассказывать ошеломленному графу о приезде Ракитина, о том, как тот умолял его спасти молодого человека.

– Это... это – правда?

Лицо графа было смертельно бледно. Пот проступил на лбу.

– Правда, граф.

Маленький золоченый столик, на который опирался магнат, упал на блестящий паркет зала.

– Так... так где же мой сын, ваше превосходительство? – с ужасом прошептал он.

– Вот для того, чтобы узнать это, я и приехал к вам в Варшаву. Как видите, ваше сиятельство, моя профессия не всегда заслуживает такого обидно-пренебрежительного отношения, каким вы подарили ее.

Граф взволнованно подошел к Путилину.

– Простите меня. Вы как умный человек отлично поймете те чувства, которые обуревали меня. Я против этого брака. Кто может осудить меня за это? Разве каждый отец не относится любовно-ревниво к своему детищу?

– Простите, граф, теперь нам некогда говорить об этом. Надо спасти вашего сына.

– Да, да! – рванулся польский магнат к своему врагу – начальнику русской сыскальной полиции. – Теперь и я вас умоляю: спасите Болеслава! Я весь к вашим услугам. Угодно вам переехать из гостиницы в мой замок? Распоряжайтесь, как вам угодно.

– Благодарю вас, но как раз этого не надо делать. Если вам угодно, чтобы я спас вашего сына – если это только не поздно – я вас попрошу держать мой приезд в Варшаву в полной тайне. Я буду являться к вам, когда мне потребуется. Мой пароль – «Pro Christo moriri» – «умираю за Христа».

Путилин, сопровождаемый графом, направился к двери. В ту секунду, когда он взялся за дверную ручку, послышался голос:

– Libertas serenissime? ¹⁶

– Amen! – ответил граф. – Аминь!

Быстрее молнии Путилин прикрыл рукой свой орден и, когда отворилась дверь и на пороге показалась фигура упитанного патера, громко по-польски обратился к магнату:

– Имею высокое счастье откланяться вашему ясновельможному сиятельству...

Глава IV. Тайный трибунал святых отцов. Смертный приговор

Низкая сырая комната со сводчатым потолком тонула в полумраке.

В этой тьме скрывались очертания каких-то странных, непонятных предметов: высокой лестницы, жерновов, жаровен, колодок. Чем-то бесконечно унылым, страшным веяло от всей обстановки этого непонятного помещения.

Колеблющийся свет длинных толстых свечей, вставленных в высокие подсвечники-канделябры, бросал багровые блики на каменные стены, на сводчатый потолок, с которого порой сбегали капли воды и падали со стуком на плиты комнаты.

За длинным столом, на котором горели эти странные свечи, сидело семь человек, все с характерными лицами католических служителей церкви – иезуитов, в обычных рясах-сутанах.

– Итак, – начал сидящий посередине за столом высокий худощавый человек в фиолетовой сутане, с резко очерченным лицом, к которому особенно почтительно относились все иные присутствующие, – нам предстоит, св. отцы, сегодня поставить окончательный приговор по делу молодого безумца.

– Так, ваша эминенция ¹⁷, – послышался почтительный ответ заседающих.

– Вы, конечно, все осведомлены о причине нашего конклава ¹⁸ в этом печальном, но необходимом для пользы св. церкви месте? Вам известно со слов тайного донесения достопочтенного духовника графов Ржевусских о преступлении молодого графа? Да? Теперь, стало быть, мы можем перейти ad consultationem... на совещание. Я ставлю два вопроса: виновен ли безумец в преступлении ad ferendam, то есть в таком, которое он собирается совершить, и, если виновен, то к какому наказанию он за это должен быть присужден. Ваши аргументы, св. отцы?

– Виновен... виновен... виновен... – раздались голоса.

¹⁶ [16] Свобода, ваша светлость? (лат.).

¹⁷ [17] Титул католических епископов или кардиналов.

¹⁸ [18] Конклав – совет кардиналов, собирающихся для избрания папы римского.

– Более мотивированно? – отдал приказ его эминенция.
– Переход в лоно проклятой православной церкви... Поношение святой католической; издевательства и насмешки над нами, скромными ее служителями. Это – *maxima culpa* ¹⁹, это – измена Христу.

– И, взвесив все это, какое наказание?...

Минуту в комнате со сводчатым потолком царило молчание.

– *Mors*... Смерть! – погребальным эхом пронеслось по помещению, где заседал, тайный трибунал «святых» отцов.

– *Sis*. Так. Но все это было *contra*... «против» обвиняемого. Не найдется ли голос и *pro*, «за» него?

– Прошу благословения св. отцов во главе с вами, ваша эминенция, но я думал бы, это наказание не соответствует преступлению, которое юноша собирается совершить.

– Как?! – в один голос воскликнули заседающие.

– Виноват, я не так сформулировал мою мысль... – смутился престарелый служитель католического Христа. – Я хотел сказать, что тут – *juventas*... молодость... Любовь... легкомыслие... кроме того, ради высокочтимого графа Сигизмунда Ржевусского нам бы следовало пощадить жизнь его единственного сына... Он оказывал столько услуг нашей св. церкви...

– Ваши ответы? – обратился к св. отцам его эминенция.

– Отдавая должное любвеобильному сердцу моего сослужителя во Христе, я считаю, однако, необходимым резко разойтись с ним во мнениях, и вот по каким причинам, – послышался еле слышимый голос доносчика-предателя, исповедника N-ского костела. – Во-первых, *primo*: в это политически-смутное время, которое мы переживаем, нам нужны верные католики, а не перебежчики-ренегаты. Если сегодня ради прекрасных глаз «москальки» обвиняемый готов переменить религиозную веру, то... поручитесь ли вы, св. отцы, что на завтра, ради еще более прекрасной наружности новой еретички, он не променяет и свою политическую веру, свое народное *сredo*? Где же наш политический патриотизм?

– Верно... верно... – прокатилось под мрачными сводами.

– Я продолжаю, *secundo*, во-вторых: допустим, юноша раскается... Ужас объял его душу... Он будет просить о помиловании. Но... Откуда мы его выпустим? Это вы приняли в соображение? Разве это наше тайное прибежище под рекой Вислой, где мы укрепляем веру и тайно собираемся для важнейших решений, уже не должно составлять величайшего секрета для наших врагов? А если выпущенный безумец-граф предаст нас?... В таком случае для чего же было изобретать название «*Unum ets hoc iter ad mortem*» ²⁰.

– Верно... верно! Смерть, смерть! – послышались теперь уже возбужденные голоса.

– Но какая?

– Я полагал бы... мы думали бы... Поцелуй Бронзовой Девы!

Тот, кто заступился за обвиняемого, в ужасе закрыл лицо руками.

– Это чересчур жестоко... – еле слышно вылетело из-под капюшона.

– Приведите сюда обвиняемого! – бесстрастно отдал приказ старший из судей – духовных лиц.

Прошло несколько минут. Где-то послышался резкий скрип двери, раздались гулкие шаги по каменным плитам коридора, дверь в судилище распахнулась, и на пороге вырисовалась высокая стройная фигура молодого человека.

– Потрудитесь приблизиться к столу, граф Болеслав Ржевуский! – сурово проговорил

¹⁹ [19] Величайшая вина (лат.)

²⁰ [20] «Это единственный путь к смерти» (лат.)

иезуит в фиолетовой рясе.

Голова молодого человека гордо откинулась назад. В глазах засверкало бешенство. Он сделал несколько шагов по направлению к своим неведомым судьям и резко спросил:

– Кто вы? На каком основании и по какому праву вы смеете мне приказывать? Честное слово, я начинаю думать, что имею дело с бандой каких-то негодяев.

– Вы слышите? – прошептал настоятель N-ского костела.

– Меня обманным образом – по подложной записке – залучают в пустынное место, хватают, везут и, точно преступника, заключают в каземат какого-то проклятого подземелья. Что вам надо от меня? Что должна означать вся эта подлая комедия? Если вам угодно денег, выкупа, извольте. Я вам их дам, подавитесь проклятым золотом, но потрудитесь немедленно выпустить меня на свободу.

– Вы спрашиваете, кто мы. Мы – тайный трибунал, блюдуший высшие интересы св. церкви... – еще более сурово проговорил его эминенция.

– Это... что же такое: нечто вроде Совета десяти великой святой Инквизиции? – насмешливо спросил молодой граф.

Но помимо воли смертельная бледность покрыла его лицо.

– Вы можете богохульствовать: перед смертью у вас еще хватит времени раскаяться в ваших страшных грехах.

– Перед... смертью? – вздрогнул Ржевусский. – Вы шутите, св. отец?

– Увы, бедный безумец, мои уста еще никогда не произносили шуток. Мы обсудили ваше преступление. Оно ужасно: вы изрекли ужасную хулу на церковь. Нашим совместным решением вы приговариваетесь к смертной казни через поцелуй Бронзовой Девы. Вы обручитесь с ней на вечную жизнь.

– Что?! – воскликнул молодой человек и пошатнулся.

Глава V. «Героическое» средство. Письмо к каштеляну N-ского костела

Я провел первую ночь в Варшаве отвратительно. Вы поймете причину этого, если я вам скажу, что Путилин, уехав вечером к графу Ржевусскому, вернулся только... в 6 часов утра!

При виде его вздох радости вырвался у меня из груди.

Путилин шаг за шагом ознакомил меня со своим визитом к старому магнату.

– Скажу тебе, доктор, откровенно, что случившееся явилось для меня полной неожиданностью: у меня ведь было нешуточное подозрение на участие в деле исчезновения молодого графа самого отца.

Лицо Путилина было угрюмо-сосредоточенное.

И если я прежде не тревожился за жизнь юноши, то теперь я уверен, что она висит на волоске. Это дело куда серьезнее дела об исчезновении сына миллионера Вахрушинского с «белыми голубями и сизыми горлицами».

– Как, опаснее даже этого?

– Безусловно. Там, несмотря на весь ужас, который мог произойти с молодым человеком, он все-таки остался бы жив. А тут – смерть, и наверное, лютая, мучительная.

– Прости, И. Д., но я не вполне тебя понимаю. Ты говоришь об опасности, угрожающей молодому графу, с такой уверенностью, точно ты знаешь, где он находится.

– Да, я это знаю.

– Как?! Ты это знаешь?

– Еще раз повторяю, знаю. Знаю так же, как знал на второй день розысков, где находится молодой Вахрушинский.

– Так, ради Бога, в чем же дело?

– В том, чтобы найти способ проникнуть туда, где он находится.

– Разве это так трудно?
– Поразительно трудно. Не забывайте, что не всегда приходится иметь дело с наивными сектантами-изуверами из простолюдинов или же из мещан-купцов российской закваски. Случается нарываться на демонов в шелковых одеяниях.

Я, каюсь, хлопал глазами.

– Всю эту ночь я выслеживал их.

– Кого: этих демонов?

– Да. Среди них я заметил необычайное волнение: кажется, готовятся к кровавому каннибальскому пиру. В поисках известных нитей я чуть не утонул в этой проклятой Висле... Однако я еле стою на ногах. Я сосну часа два, а затем мне придется прибегнуть к героическому средству.

– Ты думаешь обратиться к содействию властей? Мой друг усмехнулся, отрицательно покачав головой.

– Нет, доктор, это было бы самое нежелательное. К этому прибегнешь ты, если... если со мной случится несчастье.

– Ну, что? – взволнованно спросил граф Сигизмунд Ржевуский Путилина, приехавшего к нему с условленным паролем «pro Christo morig». – Но, Боже мой, что с вами, ваше превосходительство? Вас не узнать... вы ли это?

Перед магнатом стоял человек с круглым одутловатым лицом без бакенбард.

– Мои бакенбарды до времени спрятаны, граф... – усмехнулся Путилин. – Дело, однако, не в них, а в вашем сыне.

– Вы узнали что-нибудь?

– Да, кое-что и очень невеселое. Ваш сын в смертельной опасности.

Граф побледнел.

– Но где он? Что с ним?...

– В точности я не могу вам этого сказать, да и некогда. Сейчас вы должны предпринять нечто.

– Я?

– Да. Садитесь и пишите письмо.

– Кому? – пролепетал совсем сбитый с толку надменный магнат.

– Вы это сейчас узнаете. Прошу писать, ваше сиятельство, следующее: «Любезнейший padre Бенедикт! Чувствуя себя очень скверно, прошу Вас немедленно посетить меня. Граф С. Ржевуский».

– Як Бога кохам, я ничего не понимаю! Зачем мне приглашать настоятеля N-ского костела?

– Вы желаете спасти вашего сына? – резко проговорил Путилин, пристально глядя в глаза графу.

– О! – только и вырвалось у магната.

– В таком случае я вас попрошу беспрекословно следовать моим распоряжениям.

– Но что я буду с ним, делать?

– Вы, разыгрывая из себя больного, настойчиво попросите его остаться в замке и провести с вами всю эту ночь... во всяком случае до того времени, когда я приду к вам.

– А... а если он не согласится, ссылаясь на свои важные нужды?

– Тогда вы употребите насилие над «св. отцом», то есть попросту не выпустите его из замка, хотя бы для этого вам потребовалось вмешательство вашей челяди.

– Помилуйте, господин Путилин, вы требуете невозможного! – воскликнул испуганно граф. – Ведь это – скандал, преступление, разбой. Какое я имею право производить насилие над человеком, да к тому же еще духовным?

– В случае чего – ответственность я приму на себя. Впрочем, если вам не угодно, мне останется покинуть вас.

– Хорошо! – с отчаянием махнул рукой старый граф.

Через час перед замком его остановилась карета, из которой вышел католический священник. Прошло минут сорок – и он вышел из замка обратно.

Очевидно, старый магнат не исполнил приказания Путилина.

Глава VI. Ночная процессия

Два багровых восковых факела и несколько зажженных свечей в церковных канделябрах тускло освещали странную процессию, двигавшуюся по темным длинным коридорам. Тут царил такой зловеющий густой мрак, что этого света хватало только на то, чтобы не споткнуться, не удариться о стены.

Вслед за двумя фигурами в черных рясах шел высокий худошавый человек, за ним – попарно – шесть лиц.

– Не думал я, что мне придется совершать это печальное путешествие... – раздался под мрачными сводами резкий, властный голос.

– Что делать, ваша эминенция. *Sis Deus vi It*. Так хочет Бог.

– Осужденный предупрежден, что казнь произойдет сегодняшней ночью?

– Пока еще нет. *Misericordias causa...* ради сострадания к юному безумцу-святотатцу час искупления греха не торопились сообщать ему заранее.

И опять жуткое безмолвие, молчаливое шествие таинственной процессии.

Но вот пол коридора стал как бы покатым, словно он спускался вниз.

– Осторожнее, ваше эминенция, здесь так скользко... – слышались вкрадчиво-льстивые голоса.

Воздух сразу изменился. Повеяло невероятной сыростью, точно от болота. Пол стал влажным, откуда-то сверху падали крупные капли холодной воды.

Свет факелов и свечей заколыхался вздрагивающими языками, словно под порывом вырвавшегося воздуха. Лязгнули замок и засов железной двери, пахло еще большей отвратительной сыростью, и процессия стала осторожно спускаться вниз.

Казалось, точно неведомые существа-призраки, появившись на земле, вновь устремляются в ее таинственные недра.

– Однако с последнего раза сколько воды прибавилось здесь! – прозвучал опять тот же резкий голос.

– Как они смеют?! Как они смеют?! – В бешенстве юный граф бросился к железной двери, что есть силы колотил в нее руками и ногами.

– Пустите меня! Вы, преступники, палачи, слышите ли вы меня?

Ни звука. Ни шороха. Точно в могиле. Тогда он бросился к окну и каждый раз в ужасе отшатывался...

И вспомнились ему угрожающие слова: «Смотрите! Бог иногда мстит вероотступникам...» Но ведь он не отступил от Христа. А какой же есть еще Бог? «Вы приговариваетесь к смерти через поцелуй Бронзовой Девы», – погребальным звоном гудит в его ушах приговор судей-палачей. Болеслав Ржевусский громко, жалобно зарыдал.

Вдруг он вскочил и с каплями холодного пота на лбу стал прислушиваться. Что это? Голоса? Шаги? Да, да, все яснее, ближе... Вот уже у самых дверей его каземата. Он задрожал всем телом, выпрямившись во весь рост.

С протяжным скрипом раскрылась дверь. На пороге со свечами в руках стояло несколько фигур, одетых в рясы-сутаны.

– Так как вам трудно говорить, о. Бенедикт, то позвольте мне вместо вас напутствовать на смерть и поддержать дух преступника... – донеслось точно издалека-издалека до несчастного молодого графа.

Два монаха-иезуита торжественно внесли какое-то белое одеяние.

– Что это... что это значит? Что вам надо? – в ужасе попятился от вошедших Болеслав Ржевуский.

– Сын мой! – начал торжественным голосом старый монах-иезуит. – Вы уже выслушали смертный приговор, произнесенный вам тайным трибуналом святых отцов. Соберитесь с духом, призовите на помощь Господа. Этот приговор будет приведен в исполнение сейчас.

– Что? – дико закричал граф.

– Сейчас вы искупите ваши страшные грехи.

– Вы лжете! Слышите: вы лжете! Я не хочу умирать, вы – палачи, убийцы! Вы не смеете меня умертвить.

– Сын мой, все напрасно: еще ни один наш приговор не оставался без исполнения.

Два монаха приблизились к осужденному.

– Оденьте вот это одеяние, а свое скиньте. Это последний наряд приговоренных.

И они протянули обезумевшему от ужаса молодому человеку белый балахон с широкими разрезными рукавами, веревку и белый остроконечный колпак.

– Прочь! – иступленно заревел граф, отталкивая от себя служителя палачей. – Спасите меня! Спасите меня!

Безумный крик вырвался из камеры и прокатился по коридору.

– Я должен предупредить вас, сын мой, что если вы не облачитесь добровольно, придется прибегнуть к силе. Возьмите же себя в руки: вы умели бесстрашно поносить Святую церковь, умеете же храбро умереть. Я буду читать, а вы повторяйте за мной: *Pater noster, qui in coelum* ²¹...?

– Помогите! – прокатился опять безумный крик ужаса, страха. Но веревка уже была ловко накинута на руки осужденного.

Граф рванулся – руки были связаны. Его повалили на соломенный матрац и насильно стали облачать в страшный предсмертный наряд.

– Свяжите ноги! – отдал приказ иезуит. – Готово? Поддерживайте его с двух сторон и ведите!...

И скоро из камеры вышла белая фигура мученика-осужденного со связанными руками и спутанными ногами.

Глава VII. Поцелуй бронзовой девы

Шествие открывал престарелый патер-иезуит с распятием в руках. За ним, поддерживаемый двумя черными сутанами, шел осужденный граф. Теперь он не кричал, не сопротивлялся: предсмертный ужас овладел им. Сознание как-то совсем покинуло его.

Когда процессия поравнялась с той таинственной комнатой-судилищем, где был произнесен смертный приговор, из нее вышла новая процессия, которую возглавлял «его эминенция». У всех в руках были зажженные свечи.

При виде новых лиц граф Ржевуский словно пришел в себя.

С раздирающим криком он рванулся из рук державших его иезуитов.

– Во имя Бога, спасите меня! Пощадите меня!

– Вы призываете Бога?... С каких пор вы, еретически поносивший Христа и Святую церковь, уверовали в него? – раздался резкий, суровый голос.

– Неправда!... Неправда! Клянусь крестом, я не поносил ни Бога, ни Святую церковь.

– Вы лжете! Вы говорили, что служители католической церкви, отцы-иезуиты, торгуют Христом оптом и в розницу.

– Но разве иезуиты равносильны Христу? – с отчаянием закричал граф.

²¹ [21] Отче наш, сущий на небесах (лат.) – первые слова молитвы (Евангелие от Матфея, 6,9).

– Вот видите: вы поносите тех, которые служат Его Величию... Довольно. В этом мире уста ваши не будут больше произносить хулы. Вы предстанете сейчас на суд Его самого.

По знаку, поданному старшим духовным лицом, мрачные своды страшного коридора огласились пением процессии.

– *Morituris laudare debet Deum* ²²... – слышались торжественно заунывные звуки реквиема.

Поняв, что все кончено, что спасения нет и не может быть, граф стал точно безумным.

Громовым голосом он старался заглушить страшное похоронное пение.

– Негодяи! Убийцы! Палачи! Вы оскверняете алтари. Руки, которыми вы держите распятие, обгарены кровью! Я умру, но моя смерть жестоко отомститесь вам. Ваши проклятые гнезда будут разрушены...

– *Ad misericordiam Christi ac santissimae Virginis Mariac* ²³ – все громче и громче гремит процессия.

– И они еще произносят имя Христа! О, подлые изуверы-богохульцы! – Лицо осужденного сделалось страшным. Колпак еретика слетел с его головы. – Будьте вы прокляты!

В конце коридора (в нише) виднелась бронзовая статуя Богоматери. Спокойно скрещенные руки, печать святой благости и любви на св. челе.

– Что это... что это такое?

– Статуя Святой Девы.

– Но вы... вы приговорили меня к смерти через поцелуй Бронзовой Девы?

– Так.

– Так... как же я могу умереть через поцелуй святых бронзовых уст? Да не мучьте меня! Говорите! Я с ума схожу, палачи!

– Вы это узнаете... – загадочно ответил добровольный палач. – Где о. Бенедикт? Он должен дать последнее напутствие осужденному.

– Отца Бенедикта не было! Он исчез.

– Что это значит? Где же он? – строго спросил его эминенция.

– Не знаем... может, отлучился... Он, кажется, болен...

– Тогда исполните эту обязанность вы, о. Казимир. Молодой граф пошатнулся. Красные, синие, желтые, фиолетовые круги и звезды замелькали, закружились в его глазах.

«Конечно... все кончено... Смерть... идет... вот сейчас... Господи, спаси меня... Страшно... что со мной будут делать?»

Его глаза с ужасом, тоской и мольбой были устремлены на кроткий лик Бронзовой Богоматери.

– Спаси меня! Спаси меня! – жалобно простонал он.

– Вы должны покаяться в ваших грехах, сын мой... Скоро вы предстанете перед Вечным Судией.

– Не хочу! Пустите меня, пустите! – осужденный почувствовал, что его крепко держат и все ближе подводят-подталкивают к бронзовой статуе.

В груди все застыло. Волосы шевелятся на голове... Перед глазами – все, все прошлое, вся жизнь, молодая, кипучая, радостная, с песнями, с любовью, цветами, с воздухом и солнцем.

– Говорите, повторяйте за мною, сын мой: «Обручаюсь я с тобою на жизнь Вечную, Святая Мария».

²² [22] Идущий на смерть должен восхвалять, господа (лат.) "К милосердию Христа и Св. Девы Марии (лат.)

²³ [23] К милосердию Христа и Св. девы Марии

– Salve, o Santissima ²⁴... – грянули иезуиты, но в эту секунду громовой голос покрыл голоса певших:

– Стойте! Ни с места, проклятые злодеи!!!

Быстрее молнии из-за колонны выскочил Путилин и одним прыжком очутился около осужденного

– Вы спасены, вы спасены, бедный граф! Мужайтесь!

Крик ужаса огласил своды инквизиторского логовища иезуитов. Они отшатнулись, замерли, застыли. Подсвечники со звоном выпали из рук палачей. Лица... нет, это были не лица, а маски, искаженные невероятным ужасом.

Путилин быстро разрезал веревки. Граф чуть не упал на плиты в обморок.

– Ну-с, св. отцы, что вы на это скажете?

Оцепенение иезуитов еще не прошло... Это были живые статуи.

Путилин вынул два револьвера и направил их на обезумевших от страха тайных палачей св. ордена.

– Итак, во славу Божию, вы желаете замарать себя новой кровью невинного мученика?

Браво, негодяи, это недурно!...

Первым пришел в себя его эминенция.

– Кто вы? Как вы сюда попали?... – пролепетал он дрожащим голосом.

– Кто я? Я – Путилин, если вы о таком слышали.

– А-а-ах! – прокатилось среди иезуитов.

– А попал я сюда вместе с вами, участвуя в вашей процессии.

– К... как?

– Так. Я ведь не только Путилин, но и о. Бенедикт! – злобно расхохотался великий сыщик.

– Негодяй... предал!... – бешено вырвалось у монахов.

– Вы ошибаетесь. О. Бенедикт и не подозревает о моем существовании. Он преблагополучно беседует с графом Сигизмундом Ржевусским.

Молодой человек целовал руки Путилину.

– Что вы? Что вы? – отшатнулся Путилин.

– Вы спасли меня от смерти. Но от какой? Я ничего не мог понять.

– Вы... вы ошибаетесь, граф! – вдруг ласково обратился его эминенция к графу. – Все это – святая шутка, чтобы поугубить вас... Мы и в мыслях не имели убивать вас... Вас решили наказать за ваши дерзости по адресу духовных лиц.

– Шутка? Вы говорите: шутка? Ха-ха-ха! Хороша шутка! Я вам сейчас покажу, какая это шутка. Не угодно ли вам, ваша эминенция, поцеловать Бронзовую Деву?

– Зачем... к чему... – побледнел важный иезуит, отшатываясь от статуи.

– А, вы не хотите? Вы трясетесь? Ну, так смотрите.

И Путилин, подняв с пола длинный факел, шагнул к статуе.

– Не ходите! Не смейте трогать! – закричал иезуит, бросаясь к Путилину.

– Ни с места! Или даю вам слово, что я всажу в вас пулю.

Он нажал факелом на бронзовые уста статуи, и в ту же секунду руки Бронзовой Девы стали расходиться, и из них медленно стали выходить блестящие острые ножи-клинки. Но не только из рук появилась блестящая сталь. Из уст, из глаз, из шеи – отовсюду засверкали ножи. Объятия раскрылись, как бы готовые принять несчастную жертву, и затем быстро сомкнулись.

– Великий Боже! – простонал молодой граф.

– Вот какой поцелуй готовили вам палачи! В ту секунду, когда вы прикоснулись бы к устам Бронзовой Девы, то попали бы в чудовищные объятия. В ваши глаза, рот, грудь, руки вонзились бы эти острые клинки, и вы медленно, в ужасных мучениях, испустили бы дух.

²⁴ [24] Приветствую тебя, о святейшая (лат.)

Угрожая револьвером, Путилин выбрался со спасенным графом из мрачного логовища иезуитов.

Негласное секретное расследование уже не обнаружило статуи Бронзовой Девы. Очевидно, ее немедленно куда-нибудь убрали или совсем уничтожили.

ПРИМЕЧАНИЯ